

Shinto Skyhunter

ЭСТАБЛ

Война Двух Огней
Часть 1

18+

Shinto Skyhunter

Эстал: Война Двух Огней. Часть 1

«Автор»

2026

Skyhunter S.

Эстал: Война Двух Огней. Часть 1 / S. Skyhunter — «Автор»,
2026

Легендарные личности прошлого, такие как Кахлинд и Валверин, когда-то были простыми людьми. Но даже если обрести силу, без смертельных испытаний можно стать лишь изгоем общества. Два упавших метеорита превратили территорию Империи в поле боя сверхестественных существ. Именно в таком кровавом хаосе на грани между жизнью и смертью из простых людей куются истинные герои.

© Skyhunter S., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1. ОГНЕННЫЕ СЛЕЗЫ	8
Акт I. Словно солнце	9
Акт II. Озарившееся небо	19
Акт III. В горы	32
Акт IV. Лагерь	45
Акт V. Одна в темноте	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Shinto Skyhunter

Эстал: Война Двух Огней. Часть 1

ПРОЛОГ 2

ГЛАВА 1. ОГНЕННЫЕ СЛЕЗЫ 4

Акт I. Словно солнце 4

Акт II. Озарившееся небо 15

Акт III. В горы 29

Акт IV. Лагерь 43

Акт V. Одна в темноте 56

ГЛАВА 2. СРЕДИ ОГНЯ И ПЕПЛА 74

Акт I. Оковы 74

Акт II. В окружении врагов 88

Акт III. Доблесть 101

Акт IV. Замена 113

Акт V. Больше не нужна 123

ГЛАВА 3. ОБЛОМКИ СТАРОГО МИРА 136

Акт I. Неудача 136

Акт II. Изгои 149

Акт III. Потеря 161

Акт IV. Шаг вперед 177

Акт V. Вечный призыв 190

Акт VI. Западная катастрофа 206

ПРОЛОГ

«Война всегда приносит боль и смерть. А Война Двух Огней утопила нас в отчаянии и страданиях. Четырнадцать долгих лет. Я видел ее из первых рядов. И в этом хаосе для нас был луч надежды – молодая девушка, последняя из некогда великого рода – Кахлинд.

Кахлинд была скромной и застенчивой, но в то же время смелой и решительной. И когда небо пролило огненные слезы, положившие начало войне, она уверенно шла вперед. Ее упорство превратило ее в изгоя и одержимую в глазах других. Испугавшись неизвестности, люди отвернулись от нее, заточив в пещере наедине с южной огненной слезой.

Но именно эта слеза даровала нам возможность победить в этой войне, которая уже началась в тайне от нас.

Северная огненная слеза принесла людям немыслимые беды, страдания и смерть. Пораженные небесной скверной, люди впадали в безумство. Их жизнь проходила словно во сне. Для одних это был счастливый сон, иные попадали в вечный кошмар. Впоследствии мы называли их спящими.

Вернувшись к людям, Кахлинд вступила в свой первый бой. Она двигалась быстрее молнии, не давая спящим себя ранить. Она добиралась до них и убивала всегда с первого раза. Казалось, она не просто знала, куда нужно бить, а видела противника насквозь.

После победы в той битве она привела уцелевших обратно в лес и сказала, что каждому желающему она дарует подобную силу, но взамен они должны были поклясться никогда не использовать эту силу во вред людям, а только для их защиты. Так появились Клинки.

Добровольцев оказалось много. Пока Кахлинд была в заточении, она узнала, что с небесным осколком в наш мир пришли создания, называемые Хлоке. Ей также открылся способ слияния Хлоке с душой человека. Среди добровольцев были и воины, и ремесленники, и пахари. Они основали деревню возле пещеры слезы. Воины обучали других владению мечом и луком, кузнецы ковали клинки. И спустя пару лет все жители могли использовать меч в бою.

Тем временем ситуация на западе обострялась. Спящие, затихшие на время, снова начали свое продвижение на юг. Медлить было нельзя, и Клинки, возглавляемые Кахлинд, отправились на запад. У каждого из них, от мала до велика, за спиной был клинок, за что они получили свое название.

Казалось, сражениям не будет конца, но внезапно спящие перестали нападать. Часть из них пробудилась и присоединилась к Клинкам. Этих пробудившихся назвали Сновидцами. Во главе Сновидцев стояли шестеро легендарных Пробудившихся. Самым ярким из них был Валверин. Именно он установил порядки, которые соблюдаются Сновидцами и по сей день.

Остатки врагов были разгромлены. Империя начала возрождаться.

Хлоке Кахлинд был самым сильным. Более того, он был родителем остальных Хлоке. Его душа была настолько велика, что тело Кахлинд не смогло долго быть вместилищем для него, и по окончании войны Кахлинд превратилась в камень. Однако в этом камне по-прежнему живет ее Хлоке. Поэтому Клинки продолжают существовать. Этот камень был назван в честь Кахлинд, и его отнесли к месту рождения Клинков – в пещеру огненной слезы. Впоследствии там возникло святилище Клинков, в котором до сих пор проводят свои обряды.

В честь Кахлинд Валверин, чье сердце было навеки связано с сердцем Кахлинд нерушимой любовной нитью, огромной ценой воздвиг небесный город. Не желая оставаться в мире без своей возлюбленной, он отдал свою жизнь, чтобы сотворить свой величайший шедевр – Город Снов – место, где Сновидцы могли жить в мире, место, где начался их путь искупления своей вины перед империей. Создание города было великолепным зрелищем. Это был последний раз, когда меня что-то смогло удивить настолько сильно.

И покуда будет стоять Город Снов, покуда будет существовать великая империя Ларэ-мара, память о Кахлинд и о ее великих деяниях никогда не померкнет.»

Трэв из рода Райт, «Легенда о Кахлинд»

Двадцать восьмой день зимы шестьсот сорок восьмого года. На окраине Нэна в возрасте семидесяти пяти лет умер верный сын империи, очевидец Войны Двух Огней и восхождения Кахлинд и друг Пробудившихся – Трэв из рода Райт.

ГЛАВА 1. ОГНЕННЫЕ СЛЕЗЫ

Акт I. Словно солнце

– Вы признаетесь виновным в совершении кражи, – громко произнес глашатай. – Ваш проступок подтвердили несколько свидетелей.

Обвиняемый стоял на коленях на небольшом деревянном помосте. Его держали двое рослых стражников, одетых в кольчуги. Помост окружала толпа из двух десятков человек, перешептывающихся между собой посередине большой каменной площади. Позади помоста возвышалось огромное здание столичного храма Оплота Сарро. Глашатай спустился с помоста по небольшой деревянной лестнице. Навстречу ему шел жрец в серой робе: серебряный кулон на его шее позвякивал о табличку с выгравированным именем «Орас». Каждый шаг жреца сопровождался стуком каблуков высоких черных сапог. Жрец который раз за день неторопливо поднимался по лестнице помоста: такой порядок был неотъемлемой частью представления для толпы, носившего название «публичное наказание».

Обвиняемый, по пояс раздетый и босой, не отрывал от жреца взгляд, наполненный ужасом. Его ноги, в серых обвисших штанах из грязно-серой мешковины, тряслись все сильнее и сильнее. Жрец неспешно шел, пока не оказался перед приговоренным.

– Дитя империи, – негромко произнес он, – ты совершил ужасный проступок.

– Орас-дао, – дрожащим голосом ответил обвиняемый, – прошу вас, я ничего не сделал... меня оболгали...

– Чушь! – воскликнул Орас, после чего его голос стал грозным. Шепот, наполнявший толпу, внезапно затих. – Дети империи, верные учениям Сарро, не станут лгать. Ты наплевал на слово Сарро и обокрал одного из детей империи! – лицо человека в робе побагровело, но после двух глубоких вдохов снова стало бледноватым, и Орас продолжил спокойным тоном. – Но, как учил нас Сарро, даже у заблудших должно быть право выбора. Так выбирай: отсечение или отречение?

Лицо обвиняемого стало белым. Казалось, его вот-вот стошнит. Орас смотрел в его глаза, будто коршун на добычу.

– Но... я же... ничего не сделал... – дрожащим голосом произнес обвиняемый.

– Отсечение или отречение? – крикнул Орас, не скрывая свое раздражение.

– От... от... отс... – заикаясь, в слезах, произнес обвиняемый, – отсечение...

– Да будет так! – громко произнес человек в робе и обернулся к палачу, указывая рукой на топор. Из толпы послышался свист и одобрительные возгласы.

Стражи подняли приговоренного и повели к середине помоста, где стояла окровавленная плаха. Один из стражников ударил несчастного под колено и, схватив его за шею, наклонил вперед. Второй стражник тем временем накинуд на правую руку приговоренного веревку и вытянул ее вперед так, что рука легла на плаху. Палач, взяв топор обеими руками, быстро пошел в их сторону.

– Нет! Прошу вас! Не надо! – кричал обвиненный. Штаны его стали мокрыми, и под ним образовалась лужа. Из толпы послышалось: «Гляди-ка, обоссался! Давай мое золото!» В руках палача топор вознесся надо всеми, издав глухой звук, и стремительно ринулся вниз, застряв в дереве. Обвиненный истошно закричал, толпа загудела еще сильнее, кровь растекалась по плахе, заливая бурные пятна от предыдущих приговоров. Стражник, державший веревку, вытащил отрубленную кисть из петли и бросил ее в деревянную коробку, в которой уже лежало несколько других.

Орас, взяв белую ткань и веревку, подошел к приговоренному и начал перевязывать его кровоточащую культю.

– Ты сделал правильный выбор, дитя империи, – успокаивающе произнес он. – Теперь ты можешь начать жизнь по-новому, под защитой Оплота Сарро...

Глашатай забежал на помост и громко объявил:

– Это был последний приговор на сегодня!

Толпа стала расходиться.

– Везде одно и то же... – тихо произнес паренек в треугольной шляпе с белым гусиным пером и в коричневом жилете на белую рубаху и одернул одного из зевак: – И часто у вас тут такое?

– Ты не здешний что ли? Приезжают тут всякие... – человек в грязной рубахе без одного переднего зуба презрительно посмотрел на юношу и сплюнул под ноги. – Что вы все сюда претесь?

– Да я так, просто проездом тут... А кто-нибудь выбирает отречение? – юноша еще раз посмотрел на помост, с которого последние стражники уносили бочку.

– Такое редкость... Но если случается, то это весело. Не многие до ворот добираются.

– Понятно. А не подскажешь, где тут можно скоротать время?

– Вот ты пристал... – фыркнул незнакомец и начал жестикулировать руками, – тут рядом, недалеко на юг, есть таверна.

– А девки там есть?..

– Может тебе еще и ноги полизать?

Юноша подошел вплотную и, положив незнакомцу монету в руку, тихо ответил:

– А если так?

– Тогда... – замялся незнакомец, косясь по сторонам и пряча монету в карман, – Недалеко от восточных ворот есть трактир. Называется «Цветущий сад». Подойдешь к трактирщику, скажешь, что за розами...

Наступило утро. Первые лучи солнца проникли сквозь кривые деревянные ставни и разбудили юношу. Он сбросил с себя одеяло и аккуратно слез с двуспальной кровати, на которой простыня была натянута поверх большой охапки сена, а вместо подушки – другая простыня, сложенная в несколько раз. Две обнаженные темноволосые девушки что-то сонно промычали и укрылись. Комната, в которой он провел ночь, была холодной и маленькой: в ней едва помещалась кровать, оставляя между спинкой и стеной узкий проход, в который можно было протиснуться только боком, и маленький деревянный табурет, где лежали скомканные вещи. Юноша наспех надел штаны из коричневой кожи и зеленую, уже потрепанную от времени, рубаху, которую вытащил из-под яркого платья одной из девушек, обулся в свои стоптанные кожаные сапоги, взял в руки жилет, шляпу, висевшую на углу кровати, и походную сумку, лежавшую под табуретом, и вышел из комнаты.

По деревянной лестнице, скрипящей от каждого нового шага, юноша спустился в большой зал с несколькими столами. С кухни уже слышался звон сковородок и шипение плавящегося жира. Несколько дюжин свечей, торчащих в подсвечниках на столах, были единственным источником света в зале. Было мрачно и душно. Деревянные стены зала за долгие годы потемнели от свечной копоти, а потолок был весь черный. За столом сидел всего один посетитель: рослый мужчина, облаченный в железный нагрудник, из-под которого торчала кольчуга. Его шлем, кованые перчатки и стальной метровый меч лежали на столе рядом с кружкой. Юноша подошел к столу и бесцеремонно сел напротив.

– Утро доброе, – поприветствовал он воина.

– Свалил нахрен, – спокойно ответил солдат, так и не удостоив юношу взглядом. Парень достал из кармана пять серебряных монет и положил их перед воином.

– Подскажите, как мне добраться до Блэра...

– Этого не хватит, чтобы добраться до Блэр, – ответил воин, мельком глянув на монеты.

– А так? – переспросил юноша, подталкивая к стопке золотую монету.

– Тебе повезло, – усмехнулся воин, забирая монеты. – Караван до Блэра отправляется сегодня. В полдень будь у южных ворот. Я, так и быть, замолвлю перед отрядным за тебя словечко.

– Премного благодарен, – ответил юноша словно мурлыкающий кот, встал из-за стола и легкой походкой направился к двери, которую с обеих сторон обрамляли окна с мутной пленкой из бычьего пузыря.

Весеннее солнце только показалось из-за крыш двух- и трехэтажных домов. А мимо забора постоянного двора уже сновали толпы людей, под ногами которых чавкала грязь: ее на грунтовых улицах окраины города было в достатке.

Свежий воздух, теплое солнце и пение птиц взбодрили юношу, и он потянулся. Мимо, неся охапку сена в конюшню, шел пожилой конюх. Узнав у него дорогу, парень поспешил к южным воротам.

Перед воротами на небольшой каменной площади собралось несколько десятков человек самых разных мастей: торговцы, ремесленники, пара уличных артистов, похожих на бродяг. Все они что-то обсуждали, создавая гул из голосов. Площадь окаймлял небольшой рынок, а рядом с воротами располагалась большая каменная конюшня с деревянными стойлами, которая всем своим видом говорила, что у ее хозяина дела идут очень хорошо. Размеры конюшни позволяли разместить внутри не один десяток лошадей. Перед конюшней, полностью снаряженные для дальней поездки, стояли дюжина лошадей и шесть повозок с высокими бортами и лавками по бокам, никак не защищенными от солнца.

До полудня было далеко, но солнце беспощадно палило, нагревая каменную площадь. Запах пота смешивался с вонью лошадиного навоза. Постепенно голоса людей стали стихать: на такой жаре было трудно дышать, не то, что говорить. Все, кто как мог, прятались в тени редких деревьев, обрамляющих площадь с двух сторон.

Юноша, закупившись на рынке необходимым в дорогу, тоже искал себе укрытие от жары, но в это время на площадь с одной из прилегающих улиц въехало четыре десятка военных всадников. Все солдаты были одеты одинаково: стальные нагрудники поверх серой кольчуги, черные рубахи, латные перчатки и сапоги, черные штаны из плотной кожи с кольчужными вставками по бокам, стальные шлемы с открытым лицом. В правой руке каждого всадника было по копыю, а слева, на поясе, по одноручному мечу. На спине каждого из них висел круглый деревянный щит с металлическим центром. Лошади у всех были гнедые, с металлической защитой на голове и металлическими щитками на ногах. Выстроившись в колонну по четыре, воины замерли. Вдоль строя прошествовал еще один всадник, одетый также, как и остальные: его отличало лишь наличие стальных наплечников, к которым заклепками был прикреплен красный плащ. Остановившись перед строем, он скомандовал:

– Вольно! Перекур десять минут...

Всадники спешили, не теряя ни минуты драгоценного отдыха. Кто-то пошел на рынок, некоторые закурили, остальные искали прохладное место на раскаленной площади.

Благодаря высоким стенам, окружавшим город, и трех- и четырехэтажным каменным зданиям с красными крышами, позади от рынка, ветер не заглядывал на площадь. Пот катился по лбу юноши из-под треугольной шляпы, рубашка вся была уже насквозь мокрой. Но, несмотря на это, он бодрым шагом направился к всаднику в красном плаще.

– Господин отрядный, – обратился он к воину. – Мне необходимо...

– Господин отрядный, – перебил его солдат, с которым юноша разговаривал в трактире. – Это тот, про которого я говорил.

Отрядный посмотрел на юношу оценивающим взглядом, словно выбирал мясо себе на ужин. Повисла гнетущая тишина, серые глубоко посаженные глаза отрядного, казалось, изучали каждую мелочь во внешности юноши, широкая челюсть с тонкими губами незаметно ходила из стороны в сторону, словно он что-то перетирал зубами. Спустя минуту отрядный наконец заговорил:

– Имя? Куда направляешься?

– Трэв Райт. Направляюсь в Блэр, – бодро, словно заправский солдат, отчеканил юноша.

– Хорошо... Запиши его и выдай караванный документ, – размеренно сказал отрядный стоявшему возле него солдату, после чего повернулся в сторону отряда и громко крикнул: – Закончить перекур! Стройся!

Когда солдаты заняли свои позиции в строю, отрядный медленно, но уверенно, направился к прячущимся от солнца людям. Все уже привыкли к жаре: в толпе что-то оживленно обсуждали, смеялись, кричали. Но, как только отрядный подошел к ним, все как по команде умолкло.

– Я – отрядный Марел, – громко начал он. Его голос раздавался эхом по всей площади. Казалось, даже птицы замолчали, боясь прервать его речь. – Моя задача – доставить вас в Блэр. Дорога займет тридцать дней. Если вы хотите добраться не по частям, то на эти тридцать дней я для вас царь и бог. Мои приказы не обсуждаются и не оспариваются: если я говорю вам идти – вы идете, если я говорю бежать – вы бежите, если я говорю прятаться – вы прячетесь, если говорю сражаться – вы берете оружие и сражаетесь наравне с моими солдатами. Сейчас весна. Зверье по ту сторону стен в ярости от голода. Представится случай – вас сожрут, – отрядный говорил четко, делая паузы и вглядываясь в лица всех собравшихся. Встречаясь взглядом с грозным воином, люди невольно опускали глаза, словно провинившиеся дети. – Изгоев тоже никто не отменял. Эти ублюдки еще более непредсказуемые и свирепые, чем зверье. Если звери убивают ради еды, то эти – ради удовольствия и пары новых сапог. Поэтому, если кто-то считает, что для него это слишком трудно – оставайтесь в Квиларе. Если кем-то придется пожертвовать ради спасения остальных – я пожертвую. Поблажек никому не будет. Я не собираюсь играть в героя. Вопросы есть?

– У меня есть вопрос... – кто-то робко крикнул из толпы.

– Раз вопросов нет, – не обращая внимания, продолжил Марел, – садитесь в повозки, седлайте лошадей. Сыте и срите, если кому приспичило. Остановок не будет до следующего поселка, – после чего резко развернулся и зашагал в сторону построившегося отряда солдат.

Солнце уже приближалось к зениту. Кони фыркали под его палящими лучами, пытаясь, как и люди, спрятаться в тени городской стены. Однако солдаты продолжали держать строй, держа копыта острием вверх. Трэв купил себе лошадь, изрядно сбив на нее цену, и тоже спрятался в тени, подсев к одному из попутчиков и протянув ему флягу с водой.

– Спасибо, – поблагодарил его незнакомец. Его лицо трудно было разглядеть из-за широких полов большой соломенной шляпы. Единственное, что запомнил Трэв – это короткие штаны и шлепки.

– Слушай, а чего это командир такие жесткие правила установил для каравана? За тридцать дней до Блэра... Это идти только с остановками на ночь...

– К востоку изгоев много развелось. Нападают без конца на караваны...

На противоположном конце площади началась суета, послышался голос отрядного:

– Ну наконец-то. Все! Встали! Выдвигаемся.

Трэв поспешил к своей лошади, но его взгляд привлек человек в серой робе. «О, вчерашний,» – отметил про себя юноша. Жрец что-то обсуждал с отрядным, потом обернулся, махнул рукой, и к ним верхом на лошадях подъехали двое в белых плащах с капюшонами и коричневых сапогах. По фигурам всадников можно было догадаться, что это девушки, но капюшоны полностью скрывали их лица. Человек в серой робе что-то сказал им и зашагал прочь.

– Выдвигаемся! – крикнул отрядный Марел. Трэв оседлал свою лошадь и двинулся в путь вместе с караваном.

Под стук копыт и скрип колес повозок караван медленно покидал площадь через открытые ворота под каменной аркой – толщиной не менее четырех метров – в стене, что окружала столицу. Как только караван выехал за городские ворота, подул прохладный весенний ветер. За стеной путников ждала широкая каменная дорога, на которой могли спокойно разъехаться четыре повозки. Дорога проходила через луг: его сделали вокруг стен города во времена, когда велись междоусобные войны. Нападающим на город негде было прятаться на этом лугу, и многие из них погибали под градом стрел. Теперь же он превратился в своего рода достопримечательность. За лугом начинался высокий густой лес, в котором промышляли местные охотники, снабжая город дичью.

Жара ощущалась уже не так сильно, и поездка даже показалась Трэву приятной.

Третий день пути подходил к концу. Солнце уже два часа как скрылось за горизонтом, на небе появились удаляющиеся друг от друга два из трех спутников Эстала – звездные странники Кай и Фао. Караван наконец достиг небольшого поселения на берегу реки.

Поселение было окружено частоколом, перед которым был вырыт ров, а на краю рва врыты в землю заостренные колья. На деревню иногда, особенно в зимнее время, когда в лесу сложно было найти еду, нападали изгои. Но дальше частокола им пройти не удавалось. Само же поселение представляло из себя пару десятков деревянных домов, большой постоянный двор, трактир, казарму и конюшню, а в центре был вырыт колодец.

Караван остановился в центре деревни. Когда последний человек зашел в поселение, местные солдаты закрыли ворота. Люди от усталости валились с ног.

Трэв сполз с лошади, взял ее за поводья и, ковыляя, повел к конюшне. Пока он привязывал поводья к стойлу около водопоя, раздался громкий голос отрядного, который, по всей видимости, никогда не уставал:

– Этой ночью отдохните! – с несвойственным для него снисхождением в голосе произнес он. – На рассвете, выдвигаемся!

«Вот же ж засранец, – подумал Трэв. – Это он называет отдохните!?»

Юноша снял с лошади седло, чтобы она могла отдохнуть, взял свой походный рюкзак и побрел в сторону постоянного двора с саркастичным названием «Усталый путник»: двухэтажному зданию с маленькими окнами и покосившимся крыльцом. Внутри все было как и везде: небольшая стойка, за которой на стуле сидел хозяин, на стойке горела свеча, слева от стойки на стене висела картина, на которой был изображен лес и речка. Справа от стойки были коридор и лестница на второй этаж. Хозяин постоянного двора за тридцать монет серебра дал Трэву ключ от комнаты и объяснил, как к ней пройти, а еще за десять – пообещал, что служанки нагреют ему воды для умывания.

Пройдя немного по коридору, освещенному тусклым светом, юноша нашел нужную комнату. Открыв ее ключом, что дал хозяин, он вошел в комнату и первым делом снял сапоги, насквозь промокшие от пота, а после рухнул на кровать, зашуршав соломой, подстеленной вместо матраса. Рядом с кроватью была крохотная столешница, на которой стояла свеча и лежало два кусочка кремния. Сквозь окно проникал розово-голубой свет звездных странников. В комнате пахло пылью и затхлостью: судя по всему, в ней редко убирали. Полежав несколько минут, Трэв сел, взял кремний, выбил искры, зажег свечу и, проковырявшись в своей сумке, достал из нее небольшую книгу в кожаном переплете, связку гусиных перьев и чернильницу.

Открытую чернильницу он поставил рядом с собой на кровать. Вытащив из связки одно из перьев и обмакнув его в чернила, юноша открыл книгу и при свете свечи стал писать:

«Восемьдесят восьмой день весны пятьсот девяносто шестого года. Пришли в Вален, когда двое странников гуляли по небу уже два часа. День был жаркий, но хотя бы река была всю дорогу под боком. Ничего интересного не случилось. Командир опять строил из себя засранца. Надрать бы ему зад...»

В дверь постучали, и женский голос за дверью негромко сказал, что вода нагрета. Вытерев перо о простыню, Трэв сунул его обратно в связку, закрыл чернильницу и все письменные принадлежности убрал в сумку. С энтузиазмом прыгнув с кровати, он босиком поспешил к двери.

Воодушевившись и набравшись сил после ванной – хотя деревянное корыто, наполненное горячей водой, сложно было назвать ванной – Трэв решил пропустить пару кружек пива перед сном и вышел с постоялого двора в сторону таверны. Ночная прохлада бодрила. Мрак ночи был наполнен звуками жужжащих насекомых, шелестом листьев на легком ветру и журчанием реки.

Остановившись, юноша посмотрел на небо. Еще пару дней назад на небе было одно светило: голубоватый Фао полностью спрятался за бледно-красным Каем, отчего ночь делалась тусклее, а сегодня они снова оба видны на небе, отдаляясь друг от друга. Мириады звезд светили на их фоне. Трэв закрыл глаза, глубоко вдохнул ночной воздух, наполненный ароматами цветущих деревьев, и зашагал дальше.

Проходя мимо одного из домов, юноша услышал голос отрядного и еще два незнакомых голоса.

– Как давно их видели? – спросил Марел.

– Пять дней назад, вот тут. Полдня пути от дороги, – ответил первый собеседник. Трэв подошел к двери, чтобы лучше их слышать.

– Дерьмо! – сплюнул Марел. – Сколько их?

– Четыре или пять десятков. Может больше, – ответил второй.

– А что насчет охоты? – спросил Марел.

– Ничего, – ответил второй собеседник.

– Мы несколько раз писали смотрителю, – сказал первый собеседник. – Но он все отнекивается. Говорит, что охоту может разрешить только служитель с одобрения приближенного.

– Дерьмо! – снова выругался Марел.

– Вам бы переждать тут дней десять, пока они не уйдут, – сказал второй собеседник.

– У меня на весь путь тридцать, – вздохнул Марел. – Если опоздаю хоть на день, ординатор мне выговор влепит, а мне три года до повышения осталось... Ладно, надеюсь, пронесет...

Послышались быстрые приближающиеся шаги. Трэв кое-как успел отскочить, чтобы его не сшибло распахнувшейся дверью. В проеме стоял Марел, при полном обмундировании, но без шлема. Отрядный увидел юношу, и его лицо стало грозным.

– Чего ошиваешься? – чуть ли не прорычал рослый воин.

– Таверну ищу, – немного заикаясь, произнес Трэв.

– Вали спать! – Марел хлопнул за собой дверь и зашагал прочь.

– Спасибо... – вполголоса произнес юноша и с облегчением выдохнул.

Перед самым рассветом, посчитав, что его лошадь еще недостаточно отдохнула от дороги, Трэв решил ее поменять. Благо, караванные документы позволяли сделать это бесплатно. На конюшне, которая представляла собой небольшой сарай без окон, в котором могло в тесноте поместиться около десятка лошадей, он отвязал и забрал свою лошадь и подвел ее к конюху.

Конюх, на вид которому было уже за пятьдесят, с большой лысиной, обрамленной редкими седыми волосами, с густыми белыми бровями и неопрятной бородой, в старых военных сапогах на босу ногу, черных военных штанах и потрепанной жилетке, медленно обошел лошадь, проверил зубы и копыта.

– Ээээ... У тебя шестилетка, – произнес он, показывая пальцем на клеймо в виде шести полос на бедре лошади. – У меня только пятилетки. Придется доплатить.

– Эй-эй, – возмутился Трэв, который не собирался больше тратиться в этой деревне, и показал конюху караванный документ. – Это же твои проблемы, что у тебя нет нужной лошади.

– Чего ты тыкаешь своей бумажкой в меня, – усмехнулся конюх. – Ты либо едешь на этой, которая, может, и не доберется до следующей деревни, либо идешь пешком, либо даешь мне пятнадцать серебра, а я меняю твою шестилетку на пятилетку.

– Может сойдемся на десяти?

– Со своей шестилеткой торгуйся. Пятнадцать.

– Ладно, – неохотно согласился Трэв. Юноша достал из-за пазухи кожаную кошелку, вытащил из нее деньги и протянул их конюху. – На. Давай сюда ту, что получше.

Конюх, забрав монеты и спешно сунув их в карман жилетки, взял лошадь Трэва за поводья и ушел с ней в конюшню. Вернулся он через несколько минут, ведя за собой пегую кобылу, на бедре которой было клеймо с пятью полосками. Надев седло на новую лошадь, юноша уселся на нее верхом и двинулся в сторону каравана, который уже выдвинулся на восток.

Первый день прошел как обычно: грунтовая дорога, давно уже превратившаяся в одноколейную, окруженная высокими лиственными деревьями. Под вечер небо заволокли тучи. Стал накрапывать мелкий дождь. Отрядный остановил караван и велел разбить лагерь. Солдаты расставили палатки, развели костер. А вот ужин каждый готовил себе самостоятельно. Ночь прошла спокойно, под стук дождя. Однако Трэв отметил для себя, что часовых стало больше.

За час до рассвета солдаты свернули лагерь, и караван двинулся дальше. Дождь не прекращался, размывая дорогу. Повозки, утопая колесами в грязи, замедляли движение колонны. Но некоторых путников это устраивало: не было жары как в прошлые дни, да и темп движения был мягче.

А вот отрядный был напряжен. И напряжение его росло с каждым часом. Он то и дело отправлял разведчиков вперед. После очередного доклада вернувшихся разведчиков Марел стал мрачнее нависших туч.

– Стой! – скомандовал он каравану. – Обозы в центр. Рекруты, возвести заграждения для круговой обороны. Старики, женщины и дети – спрячьтесь за обозами. Все мужчины – ко мне. Построиться в шеренгу!

Люди заволновались, но последовали указаниям. Трэв, мокрый от дождя, тоже встал в строй. Отрядный шел перед строем, за ним следовали трое солдат с охапками оружия в руках.

– В каком гарнизоне служил? – спросил первого в шеренге Марел.

– В Кахаллиском.

– Копье, – повернувшись к одному из солдат, сказал отрядный и подошел к следующему.

– Гарнизон?

– Квиларский.

– Меч.

– Гарнизон?

– Блэрский.

– Двуручник, – Марел шел мимо строя, задавая каждому один и тот же вопрос. Солдаты раздавали оружие согласно указаниям отрядного. Дошла очередь до Трэва.

– Гарнизон?

– Хэнелский.

– Лук и пятнадцать стрел, – солдат вручил юноше лук и колчан. Другой отсчитал положенные стрелы и пошел дальше за отрядным.

– Гарнизон? – продолжал свой обход отрядный.

– Направляюсь в Блэр на службу, – ответил еще не огрубевший голос.

– Сколько лет?

– Пятнадцать.

– К обозу, – резко ответил Марел.

– Но я же могу...

– Сопляк, думаешь мы в игры тут играем! Вали к обозам, чтоб не путался под ногами!

– оборвал его отрядный и пошел к оставшимся в шеренге.

Повозки, за которыми прятались старики, дети и женщины, стояли посреди лагеря. Вокруг них толпились лошади, привязанные поводьями к вбитым в землю кольям. Лагерь окружало кольцо из наспех вкопанных копий, направленных острием наружу кольца. Перед копьями был вырыт небольшой ров, в который стекала дождевая вода. Между стеной из копий и обозами расположились солдаты и свежеиспеченные ополченцы, прятавшиеся за щитами и подобием баррикад, сделанных из различных грузов, которые везли с собой торговцы. В лагере стояла тишина, нарушаемая лишь дробью дождя и редкими далекими раскатами грома. Все, замерев, вглядывались в окружающий лагерь лес, пытаясь разглядеть хоть малейшее движение.

Трэв, сидя за баррикадой, сильно сжимал лук в левой руке. Пальцы правой руки нервно теребили оперение стрелы, положенной на тетиву. Сердце неистово билось. Недалеко от него выжидало еще трое лучников. Они, казалось, сохраняли хладнокровие, но, присмотревшись к ним, можно было понять, что они нервничают не меньше Трэва.

Шепот дождя внезапно нарушил свист летящей стрелы, которая воткнулась в один из щитов, насквозь пройдя его своим наконечником. Спустя мгновение из леса на лагерь с криками ринулось несколько десятков человек, размахивая мечами, топорами и дубинами.

– Копья вперед! – прокричал отрядный.

Десяток солдат с копьями выстроились в линию, приняли защитную стойку и, уперевшись древком в землю, направили острия копий на врага. Спустя пару мгновений первые нападавшие врезались в строй. Вкопанные ограждения не позволяли врагам напасть толпой, а небольшой ров перед ограждением немного замедлял их.

Марел и несколько солдат, обнажив мечи, отражали нападение тех, кто пытался зайти с фланга.

– Держать строй! – громогласно приказал отрядный. – Лучники, стрелять навесом!

Очередная стрела, выпущенная кем-то со стороны леса, забрала жизнь одного из ополченцев, вонзившись ему между лопаток.

– Надо снять этого лучника, – крикнул кто-то из солдат.

Руки Трэва дрожали. Стук сердца отдавался в ушах, заглушая все звуки. Кто-то из лучников взобрался на баррикаду и, натянув тетиву, замер. Из леса прилетела еще одна стрела, застряв в баррикаде. Лучник на баррикаде тут же пустил стрелу в лес в том направлении, откуда прилетела вражеская стрела.

Двое других лучников последовали его примеру и тоже взобрались на баррикады и стали выжидать.

Очередная стрела пролетела мимо одного из лучников, оставив на его левой руке кровавую борозду. В лес тут же отправились две стрелы, а раненый лучник, потеряв равновесие, свалился с баррикады. Из леса донесся еле слышный короткий крик.

– Дебилы! – орал отрядный. – Спрячьтесь за баррикады!

Трэв незамедлительно последовал приказу и спрятался, откинувшись на спину на какую-то коробку, и выдохнул. Более-менее придя в себя, юноша увидел, как несколько нападавших, зайдя с тыла, забрались на повозку.

– Тут бабы! – крикнул кто-то из них, схватив за рукав одну из жриц.

Трэв натянул тетиву с вложенной стрелой и направил лук на врага. Руки юноши задрожали еще сильнее. Нападавший уже почти вытащил девушку из-за повозки.

– Нееет! – закричала она. – Помогите!

Трэву казалось, что его сердце сейчас выпрыгнет. Юноша закричал дрожащим голосом, и его пальцы разжались, отпуская тетиву. Стремительная стрела насквозь прошла шею нападавшего, застряв в ней серединой древка. Тот от неожиданности отпустил девушку и, схватившись за горло, повернулся в сторону юноши. Его лицо стало красным, изо рта побежала кровавая пена. Что-то прорывчав, он свалился с повозки на землю.

Крича, с занесенным мечом, на Трэва побежал новый противник. Юноша в последний момент увернулся, но меч достал его, оставив рану на правом плече. От нахлынувшей боли Трэв упал на землю.

Нападавший собирался добить юношу, но из его груди вылезло окровавленное лезвие меча. Спустя несколько секунд враг лежал на земле, а перед Трэвом стоял Марел. По его нагруднику стекали капли дождя и крови. Еще мгновение, и меч отрядного отразил еще одно нападение, а потом забрал еще одну жизнь.

На помощь отрядному поспешили несколько солдат. Возле повозок завязался бой. Звон стали и крики раненых слились в единый хор.

Рядом с Трэвом упал один из нападавших. Юноша вытащил стрелу из колчана и воткнул ее в грудь врагу. Лошади неистово ржали и брыкались. Нескольким удалось вырвать из земли колья, к которым они были привязаны, и они пустились в галоп, топча попадавших под копыта людей.

Раздались какие-то выкрики и свист, и противники стали отступать.

– Не преследовать! – скомандовал Марел.

«Все закончилось» – подумал про себя Трэв. Теперь он снова слышал стук дождя, а вместе с ним и стоны раненых, плач женщин и детей, ругань солдат, ржание лошадей.

Перепаханный грязью, мокрый, юноша поднялся с земли. Казалось, плечо больше не болит. Но чем больше Трэв приходил в себя, тем отчетливее ощущалась боль.

– Выкинуть из повозок все ненужное, – не давая отдыха, раздавал указания отрядный. – Раненых в первые три. Убитых в последнюю. Живее! Мы выдвигаемся немедленно.

Кто-то из солдат подбежал к Трэву и провел в сторону одного из обозов. Рядом кто-то стонал, лежа в грязи.

– Помоги лучше ему, – сказал юноша солдату, указывая на раненого.

– Это изгой, – со злобой ответил воин, показывая на треугольный шрам от клейма на щеке у раненого.

Трэв несколько мгновений смотрел на раненого, пытаясь что-то осознать, но солдат взял его под руку и помог добраться до повозки, в которой уже было несколько человек. Кое-как забравшись и усевшись около борта, юноша потерял сознание.

Птицы радостно щебетали. Чувствовался жар солнца. Но в то же время ощущалась прохлада. Сквозь сон Трэв почувствовал, как кто-то трогает его за плечо, и от этого проснулся.

Рядом с ним сидела она из жриц и меняла повязку на его плече. За все время путешествия Трэв впервые видел ее без капюшона: ее волосы, словно золото, волной спадали на плечи, голубые глаза, в которых проглядывалась усталость, не отрывались от плеча юноши, из-под белого, перепачканного грязью, плаща выглядывал железный кулон в форме двух соединенных

треугольных пирамид, который в такт движению повозки звенел о металлическую табличку с выгравированным именем «Крис».

Девушка закончила перевязывать рану и поднялась. Только сейчас Трэв увидел, что повозку переделали в кибитку, сделав ей крышу из парусины, которую, по-видимому одолжил один из торгашей.

– Спасибо, Крис, – произнес он. Девушка обернулась и взглянула на него.

– Когда обращаешься к членам Оплота, нужно добавлять окончание, обозначающее ранг, – ответила она, улыбаясь. – Тебе тоже спасибо.

– За что?

– За спасение. Несколько дней назад ты...

– Несколько дней?! – перебив Крис, воскликнул Трэв.

– Да, ты проспал шесть дней. Тебя ранили, и ты, вероятно, еще простудился под дождем, – она постучала по борту кибитки, и та стала сбавлять ход пока не остановилась. – Ты отдыхай. Мы скоро прибудем в Олсбей.

Девушка спрыгнула с кибитки прежде, чем Трэв успел ее еще о чем-то спросить.

«Яркая, – мелькнуло у него в голове. – Словно солнце...»

Акт II. Озарившееся небо

Солнце скрылось за кронами деревьев и уже почти коснулось земли. Где-то в траве напевал свою мелодию сверчок. Караван остановился на ночь в низине на огромной поляне около речки. Трэв вылез из кибитки, чтобы прогуляться. Плечо болело, но уже не сильно. Недалеко паслись лошади. Юноша, найдя свою, снял с нее сумку, покрытую засохшими грязью и кровью, и, вернувшись к кибитке, уселся рядом под деревом. Достать дневник и принадлежности для письма с раненым плечом оказалось непростой задачей. Обмакнув перо в чернила, он начал писать:

«Девяносто шестой день весны пятьсот девяносто шестого года. Шесть дней назад на нас напали изгои. Я впервые убил человека...»

– Смотрю, тебе уже лучше, – прервал его занятие знакомый голос. Трэв поднял голову: перед ним стояла Крис, протягивая ему флягу. На ней был ее привычный белый плащ с капюшоном, прикрывающим волосы. – Тебе сейчас надо больше пить. Как-никак тебя ранили, и ты долго пролежал без сознания, – юноша взял флягу и, сделав пару глотков, осознал, как сильно хочет пить. – Помедленнее, а то подавишься, – улыбнулась Крис, присаживаясь рядом.

– Спасибо, Крис... прости, я не очень разбираюсь в рангах Оплота, – поблагодарил юноша, возвращая флягу и отложив дневник в сторону. – Честно говоря, ты первый жрец, с которым мне довелось разговаривать. Как правильно к тебе обращаться?

– Это просто. Смотри, – Крис показала на свой железный кулон с выгравированным именем. – Железный говорит о том, что я последователь. Когда обращаешься к последователям, надо к имени добавлять ранговое окончание -кай. До этого у меня был деревянный кулон и ранг послушника. Тогда меня называли Крис-оре.

– А чем отличаются послушники от последователей?

– Послушников пять лет обучают в Квиларском семинариуме слову Сарро и многим полезным вещам...

– Например, как ухаживать за ранеными?

– Да, и это тоже. После обучения нам присваивают ранг последователя и отправляют в какой-нибудь храм в империи, чтобы мы на практике оттачивали свои навыки...

– И, раз ты едешь из Квилара, то, получается, что едешь в какой-то храм?

– Да, в Блэр.

Воздух наполнился вечерней прохладой. Шелест волн о берег реки убаюкивал своей монотонностью. Где-то вдалеке слышалось воронье карканье и вторящий ему волчий вой.

– Крис... кай, а что случилось после боя? – после небольшой паузы спросил Трэв.

– Как только изгои ушли, – немного подумав, начала девушка, – воин в красном плаще велел нам немедленно выдвигаться. Мы шли всю ночь и к полудню добрались до какой-то деревни. Всех раненых отнесли в храм, а на закате вознесли погибших.

– Много?

– Четырнадцать, – с грустью сообщила Крис. – На следующий день, утром, караван пошел дальше. Несколько тяжелых пришлось оставить в храме. С остальными нам с Манной-кай пришлось повозиться. До военного форта добрались за два дня. Там воин в красном плаще добрал солдат, и мы пошли дальше. И вот мы уже третий день в пути. Но хотя бы темп поубавили и отдыхаем больше. Останавливаемся засветло, отправляемся после рассвета.

Солнце скрылось за горизонтом, стали появляться первые звезды. Несколько сверчков завели свои песни. Легкий вечерний ветерок пробежал шепотом по верхушкам деревьев. Где-то недалеко слышались голоса людей. Патруль из солдат периодически попадался на глаза и терялся среди деревьев, лошадей и кибиток.

– Кстати, – первым нарушил молчание Трэв, – «воин в красном плаще» – это Марел. Он отрядный.

– Отрядный?

– Да. Это звание такое в армии, как у вас ранг.

– А, поняла. Отрядный – это высокий ранг?

– Звание. Нет, это самый младший командир. Ниже него только рекруты и солдаты.

– А куда ты направляешься? – внезапно сменила тему Крис.

– У меня нет конкретной цели, – ответил юноша, вглядываясь в звезды. – Сперва в Блэр. Потом дальше на восток. За Аэлкхэ есть еще одна страна. Говорят, ее большая часть располагается на живописных островах. И между островами ходят летающие корабли. Вот уж диковина, хочется увидеть это своими глазами. Потом хочу пересечь Срединное море и побывать в Эль-Анабе. Мы ведь знаем там только об империи Тамания и то только по слухам от торговцев. Мой отец всегда говорил, что мир – это не только Ларэмара, хотя за такие слова его вполне могли отречь... – услышав тихое сопение, Трэв замолчал и посмотрел на Крис. Уставшая от трудностей путешествия и работы лекарем, девушка уснула, облокотившись на дерево. Парень убрал перья, чернильницу и дневник в сумку, тихо встал и, взяв из кибитки покрывало, укрыл девушку.

На юго-востоке в небе появились тусклые очертания Кая. Очень низко над горизонтом на юго-западной части неба тлела половина Фао. Их очередное шествие по небу подходило к концу, и они уже давно начали таять, утратив круглую форму. Улегшись на траву и глядя на них, Трэв не заметил, как и сам заснул.

Ночной холод пробрал Трэва, заставив проснуться. Крис сползла с дерева и спокойно спала на земле, плотно укутавшись покрывалом. На юго-западной части неба ослепший Кай сбегал от лучей зари. Из бледно-красного он стал практически белым.

Юноша встал и решил пройтись по лагерю, чтобы немного согреться. Недалеко горел костер, рядом с которым были пятеро солдат, трое из которых спали под покрывалами. Еще несколько ходили в патруле вокруг лагеря. Трэв накинул на себя одеяло из овечьей шерсти, взятое из кибитки, и уселся у костра. Солдаты молчали, и юноша стал просто смотреть на огонь.

Солнце медленно поднималось из-за горизонта. Лагерь понемногу просыпался, наполняясь голосами людей. Вскоре над костром повесили котел, налив в него воды. Когда вода закипела, караванный повар, взятый отрядным, по всей видимости, в форте, о котором говорила Крис, закинул в воду лошадиное мясо, горсть соли. Затем нарезал картошку и морковь и кинул следом. Добавил немного пряных трав. Через пару часов перед котлом выстроилась очередь из солдат и путников.

Трэв вернулся к кибитке, чтобы убрать одеяло и взять свою миску из сумки. Крис уже не было под деревом, а покрывало, аккуратно сложенное, лежало в кибитке.

После завтрака все стали готовиться к отправлению. Юноша повесил свою наспех оттертую от крови и грязи сумку на седло и уселся верхом. Боль пронзила правое плечо, но его это не остановило. Слегка ударив лошадь пятками по бокам, Трэв последовал за караваном.

– Выспалась? – Крис обернулась на голос, но капюшон, который она как всегда накинула, помешал увидеть собеседника. Поэтому она немного развернула лошадь.

– Ага. Спасибо за одеяло, – поблагодарила она, встретившись глазами с Трэвом. Снова развернув лошадь, Крис, поравнявшись с Трэвом, ослабила уздечку, и лошадь продолжила движение. В седле Крис держалась уверенно и грациозно, лишь изредка постукивая по бокам лошади краями черных кожаных сапог, что заканчивались немного ниже колен. В сапоги были

заправлены бежевого цвета хлопковые штаны, плотно облегающие ноги девушки, на которые непроизвольно засмотрелся Трэв. Его немного раздосадовало, что грудь и плечи девушки были скрыты под белым плащом.

– Я вчера немного рассказал о себе. Теперь твоя очередь. Как ты попала в Оплот?

– Родители погибли в пожаре, а нас с братом с улицы забрал настоятель храма. Когда брату исполнилось пятнадцать, он пошел в армию.

– И где сейчас он?

– Три года назад, во время охоты Оплота на изгоев, он погиб.

– И теперь ты ненавидишь изгоев?

– Не то, чтобы ненавижу. Скорее мне обидно, что кто-то оказался сильнее моего брата. Но тут нет вины изгоев, армии или Оплота. Всегда есть кто-то лучше.

Снова повисло молчание. Лошади спокойно шагали по грунтовой дороге. Голоса людей в караване смешивались с пением птиц и шелестом ветра в зеленых кронах деревьев, растущих по обе стороны дороги. Солнце, подходя к зениту, наполняло жарой воздух, все еще отдававший утренней прохладой.

– Ты много знаешь об армии, – вновь прервала молчание девушка. – Ты служил?

– Не так уж и много. Я был рекрутом. Как срок отслужил, решил уйти.

– Почему?

– Не мое это. Если стать солдатом, то это до пенсии... Или до костра, как повезет.

– А почему не вернулся домой тогда?

– Я как раз сбежал из дома в армию. У меня семь младших сестер. Отец всю домашнюю работу спихнул на меня, еще и с сестрами приходилось возиться. Я ушел, как только мне исполнилось пятнадцать. А после армии решил не возвращаться. Пару лет помогал в кузнице, скопил денег, теперь путешествую. Смотрю на разные города. Общаюсь с разными людьми.

– А когда деньги закончатся, что будешь делать?

– Я немного сочиняю разные истории, потом продаю их библиотекам. Пока хватает...

– Истории? О чем? – не скрывая свое любопытство, спросила Крис, направив лошадь чуть ближе к лошади Трэва. – Расскажи какую-нибудь.

– Хм... – задумался Трэв. – Ну, допустим... Когда-то давно жили юноша и девушка. Их связывали крепкие узы любви. Но однажды в их жизни появился темный колдун. Понравилась ему эта девушка. Все сокровища мира он предлагал ей, но она лишь улыбнулась, сказав, что сердце ее отдано другому. Разозлился колдун и пообещал разлучить их. Испугалась девушка и рассказала обо всем юноше. «Не бойся, – успокаивал он ее. – Если мы не сможем найти друг друга, то поднимемся повыше, и это поможет нам найтись.» Колдун не стал бросать слов на ветер и вскоре наслал на них проклятье. Долго искали друг друга юноша и девушка. Наконец взобрались они на холмы и увидели друг друга. Разозлился колдун еще сильнее и наслал на них новое, более сильное проклятье. Несколько лет искали друг друга юноша и девушка, пока не забрались на высокие горы. Тогда они увидели друг друга и снова были вместе. Еще сильнее разозлился колдун и наслал на них свое самое сильное проклятье. А еще послал своего слугу наблюдать за влюбленными, и, если проклятье опять развеется, слуга должен был убить одного из них. Шли годы, юноша и девушка никак не могли увидеть друг друга и поднимались все выше и выше, пока не поднялись выше небес к самым звездам, но даже тогда не смогли они встретиться. И с тех пор они бесконечно ищут друг друга. А верный колдуну слуга отправился за ними к звездам и все еще наблюдает за ними. И до сих пор Кай и Лу ищут друг друга. А верный колдуну Фао следит, чтобы они никогда не встретились...

– Погоди-ка... – нахмурилась Крис, – это рассказ о звездных странниках?

– Ага. Только что придумал...

– Восхитительно! – захопала Крис. – Я бы с удовольствием послушала еще раз!

– Да? – удивился Трэв. – Надо это записать... – он начал активно копошиться в своей сумке и достал из нее принадлежности для письма. – Подержи, – сказал он девушке, протягивая ей чернильницу. Крис взяла ее, и Трэв прямо на ходу начал писать в своем дневнике.

Было далеко за полдень, когда деревья расступились, обнажив каменные стены Олсбея. Дойдя до ворот, караван остановился. Отрядный подъехал на своей лошади к воротам, снял шлем и сквозь решетчатое окно в воротах перекинулся парой слов с часовым. Через несколько минут ворота медленно, со скрипом, открылись, и караван вошел в город.

И снова усталых путников окутал запах города. Также, как и в столице, сразу за воротами располагалась большая каменная площадь. Рядом с ней – рынок и конюшня. А за ними – каменные дома, не такие высокие и светлые, как в столице, но намного лучше тех построек, что видели путники в деревнях по пути сюда.

Олсбей был единственным крупным городом на пути между Квиларом и Блэром. Но, в отличие от других городов, у него не было собственного гарнизона солдат, поэтому сюда направлялись отряды из других гарнизонов. Именно поэтому в городе было только несколько казарм для каждого рода войск: в них квартировались отряды, но не было ни тренировочных площадок, ни военной канцелярии, где обучали тонкостям ратного мастерства. Командовал местными войсками легионер, присланный сюда из Квиларского гарнизона. Рабочий кабинет легионеру выделили в канцелярии местного торгового дома в центре города рядом с другими административными зданиями. Такое положение вещей не нравилось легионеру, которому по статусу было положено отдельное здание со слугами, но приказы не обсуждаются.

Когда караван остановился на площади, Марел оповестил о том, что через два дня на рассвете перед восточными воротами состоится общий сбор, а потом повел солдат в сторону казарм. Оставив лошадей в конюшне и забрав вещи с повозок, чтобы ночью городские мальчишки не поживились чем-нибудь ценным из вещей путников, все разошлись по своим делам.

Трэв шел по мощеной улице в сторону, как он думал, центра города и вышел на небольшую площадь, где развернулась уже знакомая картина: помост, плаха, стражи, настоятель и обвиняемый. Позади помоста возвышалось здание храма Оплота.

– Отречение! – завопил обвиняемый. Стражи, в качестве которых лорд нанимал бывших солдат, поволокли его к плахе и, поставив на колени, прижали к плахе так, что обвиняемый лежал правой щекой на ней. Палач, роль которого исполнял один из солдат в полной амуниции, но без щита и оружия, вытащил из жаровни клеймо в виде треугольника и направился к приговоренному. Человек на плахе начал дергаться, но стражи крепко держали его за плечи и волосы. Мгновение спустя раздался вопль приговоренного, сопровождаемый шипением обгорающей кожи на его щеке. «А развлечения во всех городах одинаковые...» – подумалось Трэву.

– Отныне Оплот больше не защищает тебя! – провозгласил с помоста настоятель, вознося руки к небу, словно сообщал об этом не обвиняемому, а самому небу.

– Эмиль! Эмиль! Эмиль! – внезапно начала скандировать толпа. Стражи подняли новоиспеченного изгоя и вытолкали с помоста прямо в толпу. Люди расступились, и изгой упал прямо на камни, которыми была вымощена площадь. Вперед вышел одетый в серый кузнечный фартук человек, почти на две головы выше изгоя и вдвое его шире. Грязные, спутанные, отдающие рыжиной длинные волосы были завязаны в тугий хвост. Под местами прожженным фартуком была одета синяя рубаша и черные штаны. На правой ноге поскрипывал выдававший виды кожаный сапог, а вместо левой ноги ниже колена – металлический протез, позванивающий при ходьбе о камни. Кузнец схватил изгоя за горло обеими руками и поднял так, что ноги отреченного оторвались от земли. Сильные пальцы стали сжиматься, скрипя кожаными перчатками. Изгой закричал, его ноги судорожно дергались, пытаясь ударить великана. Но кузнец стоял неподвижно, словно скала, не отрывая своих грязно-зеленых глаз от закатывающихся

глаз изгоя. Спустя несколько мгновений раздался хруст ломающейся шеи, кузнец разжал руки и пошел прочь, оставив обмякшее тело на площади.

– Вот бы везде был такой Эмиль, – проговорил солдат, стоящий рядом с Трэвом. – Изгой бы не беспокоили нас...

Когда все разошлись после представления с наказанием преступников, Трэв остался на площади. Усевшись около стен храма, юноша до самого вечера писал в своем дневнике рассказ про звездных странников, который начал утром. Исписав несколько страниц, Трэв, довольный собой, стал расспрашивать местных, попадавшихся ему на улицах, где в городе библиотека. Только четвертый знал о ней и о том, как к ней пройти.

Библиотека оказалась в южной части города. Этот район сильно отличался от центральной части города с ее красивыми постройками: грунтовые дороги, размытые дождем и повозками, старые мрачные деревянные дома, часть из которых была покрыта соломой. Отовсюду доносились звуки разнообразной домашней скотины: куры, козы, свиньи... Юноше казалось, что он оказался в какой-то старой захудалой деревеньке, а не в крупном перевалочном городе на пути от столицы к единственному городу на восточной границе империи.

Здание библиотеки соответствовало окружению: длинное, грязно-серое, с деревянной крышей, без окон, похожее на барак. По всей видимости раньше это был коровник или скотобойня. Теперь же это здание, хранящее знания... С трудом открыв просевшую скрипучую дверь, Трэв вошел внутрь. Запах сырости и плесени ударил в нос.

Внутри библиотека представляла из себя длинный коридор из пыльных стеллажей с книгами, которые можно было едва различить во мраке. Единственный источник света был в конце коридора: свечка на столе, за которым сидел, скорее всего, библиотекарь. Трэв достал свой дневник, вырвал из него страницы с рассказом и направился к столу.

Пожилой мужчина с седыми спутанными волосами, одетый в какие-то обноски, которые не понятно чем были раньше, сидел за столом, заваленным пыльными книгами. Библиотекарь больше был похож на бродягу, который тайком сюда пробрался, но единственное, что выделялось в его внешнем виде – очки с дорогими стеклянными линзами в медной полированной оправе. Старик что-то старательно записывал на листке, расчерченном таблицей.

Вокруг стола было множество стопок из книг, высотой в пол человеческого роста. Трэв положил на стол перед библиотекарем листы со своим рассказом и стал молча ждать. Старик отложил перо и оценивающе посмотрел на юношу, затем медленно взял листы со стола. Потратив на чтение пяти страниц не более пары минут, он откинулся на спинку кресла, достал из кармана платок и, снимая очки, чтобы протереть, томно произнес:

– Проза про звездных странников? Хм... Пятнадцать золотых.

– Ты чего? – возмутился Трэв. – Это же оригинальная история. Такой больше нигде нет. Давай хотя бы двадцать.

– Даю семнадцать. Либо бери, либо проваливай.

Юноша поворчал немного для вида, но согласился. Старик, надев очки, открыл ящик в столе и, достав кожаный мешок с монетами, отсчитал положенную плату. Трэв забрал заработанное золото и зашагал прочь.

После мрачной библиотеки Олсбея на улице казалось очень ярко, хотя солнце уже клонилось к закату. Отрядный объявил остановку на два дня, поэтому спешить было некуда. Снова немного поспрашивав местных, юноша выяснил, где находится баня, и отправился туда.

Вечер выдался душный. Напротив закатной зари появились звездные странники. После бани Трэв плотно отужинал и, лежа в кровати снятой комнаты, смотрел в дневник, постукивая пером о его торец.

«Действительно, – думал юноша, – если бы не было изгоев, было бы лучше...»

От этих мыслей рана на его плече заныла. Не в силах что-либо написать, Трэв отложил дневник с пером в сторону, задул свечу, лег и, закрыв глаза, стал прислушиваться к трели ночного сверчка. Где-то вдали слышались пьяные песни. Откуда-то раздался едва уловимый стук.

Юноша поднялся и подошел к окну. Каменная улица освещалась дюжиной факелов. По ее дальней стороне шли двое, а может и трое – в тусклом свете было не разобрать. Стук, идущий от окна, усиливался. Трэв стал вглядываться в темный пейзаж за окном, пытаясь понять, что же издает этот звук, как вдруг понял, что стучит само окно. Вернее, ставня в оконной раме. Приложив руку к полупрозрачной пленке, что защищала помещение от ветра, юноша почувствовал, что она вибрирует с нарастающей силой. К стуку добавился гул, а сверчки замолкли. Подсвечник на тумбе начал трястись, издавая характерный треск.

Гул нарастал. Улица начала освещаться непонятным светом, идущим откуда-то сверху. Удлинившиеся тени стали менять свое направление. Все предметы в комнате начали трястись и подпрыгивать. Юноша распахнул окно и посмотрел вверх: прямо над его головой пролетел огромный горящий шар и скрылся за крышами домов, оставив после себя след из черного дыма.

Трэв бросился к двери, надевая по дороге ботинки. За дверью несколько шагов коридора, а дальше — лестница. Перепрыгивая через ступеньки, он устремился вниз. Внезапно раздался громкий звук, словно тысячи молний ударили одновременно, и земля содрогнулась.

Не удержав равновесие, он сильно ударился о стену, а сверху на него посыпались с полки горшки с цветами. Теплая кровь заструилась по лбу. Не обращая внимания на рану, Трэв поднялся и побежал дальше.

На первом этаже трактира был погром: несколько опрокинутых стульев, сдвинутые как попало столы, на полу разбитая посуда, упавший на барную стойку шкаф с выпивкой. Из-под шкафа слышались стоны.

Трэв, ловко перепрыгнув через стойку, поднял шкаф и поставил его на место. Под шкафом лежал трактирщик. Юноша помог ему подняться. Тот постоянно кряхтел и постанывал от боли. Его правая рука была неестественно вывернута и просто висела.

– Я отведу тебя в храм, – сказал юноша, встав слева от трактирщика и давая ему опереться здоровой рукой на себя. – Сам идти можешь?

Мужчина кивнул. Только сейчас Трэв заметил, что все лицо и руки трактирщика в порезах. Поднявшись на ноги, они медленно пошли к двери, хрустя глиняными осколками, лежащими на полу.

На улице была суматоха. Некоторые вытаскивали раненых из домов. Кто-то бежал с ведрами: видимо, недалеко разгорелся пожар. Ночь наполнилась криками, стонами и детским плачем.

– В какой стороне храм? – спросил Трэв трактирщика. Тот указал пальцем влево. – Хорошо. Пойдем. Ты потерпи, главное. Тебе помогут, – трактирщик кивнул, и они пошли.

Осколки битой черепицы, слетевшей с крыш домов, и глиняных горшков усеивали мощеные улицы города. Воздух наполнялся запахом гари. Напротив некоторых домов лежали тела, накрытые простыней. Солдаты помогали раненым, сопровождая их к храму. Одна женщина бегала и спрашивала каждого, не видел ли он ее ребенка.

Рана на правом плече Трэва под весом трактирщика снова напомнила о себе. Впереди столпились люди, полностью перегородив улицу.

– Что за дерьмо? Как не кстати, – выругался юноша. – Куда нам идти?

– Вот храм, – прохрипел трактирщик, показывая в сторону толпы. Посмотрев еще раз, Трэв осознал, что это та самая площадь, где еще днем разыгралось представление с наказанием. А сейчас тут было так много народу, что он едва узнал это место.

Расчистив ногой место у стены одного из домов от осколков, Трэв аккуратно посадил мужчину.

– Подожди тут, я кого-нибудь приведу, – сообщил он. Мужчина кивнул и облокотился на стену.

Трэв подбежал к толпе и стал протискиваться между людьми. Впереди оказался забор из металлических прутьев, огораживающий большую площадку перед фасадом храма. Недолго думая, под возгласы возмущения юноша перелез через него и побежал туда, где горел свет от факелов и было наиболее шумно. Как юноша и думал, это оказался главный вход. Перед ним были расстелены покрывала, на которых сидели или лежали люди. Между ними, словно муравьи, сновали люди в белых и серых робах с мазями, бинтами и снадобьями в руках.

– Крис! – закричал юноша. – Крис-кай!

Никто не отозвался. Трэв бросился в храм. Просторный темный зал освещался факелами на стенах. Как и в остальных зданиях города, в храме был погром, часть стены обвалилась. На лавках и полу расположилось несколько десятков раненых, которым помогали жрецы. Храм был наполнен голосами и стонами.

– Крис-кай! – снова крикнул Трэв.

– Я здесь, – послышался женский голос. Юноша обернулся: последовательница с тазом, наполненным водой, и полотенцами стояла в нескольких шагах от него. – Ты ранен?

– Там человеку нужна помощь, – показал юноша в сторону выхода.

– Что с ним?

– Рука сломана.

– Кровь идет?

– Нет.

– Хорошо, я осмотрю его позже, – сообщила Крис и подошла к юноше, смочив полотенце в воде. – Сперва я помогу тебе. Наклони голову.

Стерев кровь со лба Трэва, Крис аккуратно перебирала его волосы, периодически промакивая кровь полотенцем. Затем она достала какую-то баночку и, взяв из нее немного мази, помазала рану юноши.

– Немного пощиплет, и пару дней поболит голова, но ничего серьезного, – произнесла девушка, убирая баночку с мазью. – Я позже осмотрю того человека.

Крис пошла к следующему раненому, а Трэв отправился на выход. Вернувшись к трактирщику, юноша обнаружил его без сознания. Присев рядом и закрыв глаза, он тоже провалился в пустоту.

– Эй! Ты как? – незнакомый голос разбудил Трэва. Жрец в белой робе склонился над ним, тресая юношу за плечо. Трактирщика только погрузили на носилки и уносили двое других жрецов в таких же робах. Солнце, выглянув из-за крыш домов, светило в глаза.

– Нормально, – ответил Трэв, жмурясь от солнечных лучей.

– На площади развернули кухню. Сходи, поешь, – сообщил жрец, помогая юноше встать.

– На площади? – удивился Трэв.

– Да. В зданиях сейчас опасно. Много старых обрушилось. Неизвестно, какие еще развалятся, – закончив, жрец пошел к следующей группе людей.

Трэв осмотрелся: улицы были покрыты осколками, многие оконные ставни на зданиях оторвало, стены домов разошлись трещинами, воздух был наполнен запахом гари от ночных пожаров, повсюду раздавались голоса людей.

Тупая боль пронзила голову юноши, напомнив о недавно полученной травме. Взявшись рукой за голову, Трэв направился к храмовой площади, располагавшейся в нескольких шагах. Выйдя на нее, юноша увидел несколько столов с котлами, солдаты разливали похлебку всем, кто подходил. На площади было полно людей.

«Кажется, придется тут задержаться» – промелькнуло в голове Трэва.

На следующее утро караван должен был выдвинуться дальше на восток. Однако отрядного Марела внезапно вызвал к себе в резиденцию в восточной части города лорд Олсбея. Так как в центре на площади солдаты развернули временный лагерь для пострадавших в ночном инциденте и тех, чьи дома были разрушены, центр города был очень многолюдным и шумным. Поэтому лорд принимал посетителей в своем особняке, а не в канцелярии, как это было обычно.

Восточную часть города отвели под постройку домов самых богатых и влиятельных людей города. Все улицы здесь были мощеными, повсюду были высажены декоративные деревья, которые садовники регулярно подстригали, придавая деревьям правильные формы.

Особняк лорда не был самым роскошным. Наоборот, он выглядел весьма посредственно на фоне домов других богачей: одноэтажное каменное здание с красной черепичной крышей, частично осыпавшейся после ночной трагедии, стены которого были выкрашены в бледно-зеленый цвет, было окружено решетчатым забором. Между забором и домом распростерся небольшой сад. От ворот до дверей дома – узкая дорожка из камней в длину с десятков метров.

Отрядный подошел к парадному входу и постучал в дверь с золочеными ручками. Через минуту ему открыл молодой слуга, одетый в белую безрукавку, холщовые штаны черного цвета и черные ботинки из мягкой кожи. Слуга отошел с прохода, позволяя Марелу войти внутрь, тихо закрыл дверь и попросил следовать за ним. Пройдя по узкому коридору с четырьмя дверьми по бокам, слуга остановился перед последней, постучался, и дождавшись приглашения, отворил ее, приглашая отрядного жестом пройти внутрь.

Внутри кабинета было мрачно из-за завешанных плотной тканью разбитых окон. Богатство лорда сыграло с ним злую шутку: столь ценные и дорогие стеклянные окна не пережили эту ночь. Освещением служила свеча на столе лорда и огонь из камина. Лорд, мужчина средних лет, одетый в болотного цвета пиджак поверх белой хлопковой рубашки, сидел за столом и что-то писал, периодически ставя свою печать на листы и откладывая их в сторону. Его каштановые волосы с легкой сединой свисали по бокам, немного не доходя до плеч, а подбородок украшала аккуратно подстриженная борода, переходящая в усы.

– Отрядный Марел прибыл по вашей просьбе, – отрапортовал воин, намеренно сделав акцент на просьбе, тем самым показывая, что приказы ему могут отдавать только старшие по званию военные. Лорд положил перо и посмотрел на отрядного.

– Замечательно. Это же вы ведете караван в сопровождении двух отрядов?

– Я...

– Хорошо. Вы остаетесь в городе вместе с караваном на неопределенное время.

– Не пойдет! – немного опешив от услышанного, произнес Марел, – У меня приказ...

– Я сказал нет! – оборвал его лорд, не отрывая зеленых, глубоко посаженных глаз от лица отрядного. – Если надо, у вас будет другой приказ от местного легионера. У меня в городе хаос. Десяток пожаров, некоторые до сих пор не потушены. У меня каждый человек на счету. Так что нет, вы никуда не идете. Так, смотритель, – обратился лорд к стоящему рядом с Марелом служителю храма, облаченному в серую робу. Отрядный только сейчас его заметил. На шее смотрителя поверх таблички с именем «Тарис» висел золотой кулон в виде соединенных двух пирамид, – отправьте птицу в столицу.

– Голубь уже отправлен, – сообщил смотритель. – Еще ночью, с подробным описанием ситуации. Также я запросил поддержку храма, поскольку у нас не хватает лекарей.

– Хорошо, – ответил лорд, встав из-за стола и подойдя к камину. Ветер сквозь щель в покрывале проникал в кабинет и перелистывал страницы открытых книг и тетрадей, лежащих на столе. – Тарис-ихи, немедленно сообщи, когда получишь ответ. Отрядный, ты еще тут? Займись делом!

Марел, стиснув зубы, молча развернулся и зашагал к выходу. В дверях он столкнулся с воином в таких же доспехах с желтым плащом. Приложив правый кулак к сердцу, отрядный повернулся боком, пропуская старшего по званию. Воин вошел в кабинет лорда, не обращая внимания на Марела. Вслед за воином в кабинет вошел солдат, по всей видимости адъютант.

– Лорд, – начал воин, дойдя до стола, – я с докладом.

– А, легионер, – ответил ему лорд. – Докладывай...

Марел закрыл за собой дверь, не дожидаясь, что скажет легионер, и зашагал по коридору. По дороге ему встретилась тумба с вазой, которая каким-то чудом уцелела в ночном хаосе. Отрядный пнул ее со всей силы так, что ваза свалилась и разбилась. Бубня себе под нос, что не видать ему повышения через три года, Марел покинул ратушу.

На Олсбей надвигался вечер. Полуразрушенный город был полон суеты людей, устраняющих последствия бедствия. Среди всего этого движения Трэв неторопливо прогуливался по улице. За очередным поворотом возникла необычная картина: десяток круглых деревянных столов стояли перед зданием таверны прямо под открытым небом. За каждым столом было по три деревянных табурета. Само здание таверны изрядно пострадало: по стенам пошли трещины, крыша местами провалилась внутрь. Тем не менее трактирщик, повар и пара служанок решили продолжить работу в ветхом здании, а чтобы не подвергать гостей опасности – вытащили столы наружу.

Юноша, усевшись за один из свободных столов, попросил у служанки принести немного еды и кружку пива. Расплатившись десятком серебряных монет, Трэв стал ждать свой заказ. В нескольких столах впереди спиной к нему сидел воин, с плеч которого свисал красный плащ. «Очередной отрядный» – подумал Трэв. На столе у воина стояло несколько кружек, по всей видимости уже пустых. Откуда-то появился еще солдат с желтым платком на правой руке и подошел прямо к отрядному.

– Господин отрядный, вас вызывает господин легионер. Проследуйте, пожалуйста, за мной.

Воин встал, взяв со стола свой меч и шлем. Когда он повернулся, Трэв узнал в нем Марела. Спустя несколько минут воины скрылись из виду, затерявшись в толпе прохожих. Служанка принесла заказ, и юноша приступил к еде.

Фонарики уже зажигали ночные огни, когда Марел в сопровождении адъютанта подошли к канцелярии торгового дома. Возле входа дежурили двое караульных. При виде адъютанта они открыли двери, впуская воинов. Войдя в двери, Марел и адъютант оказались в просторном зале, с противоположной от двери стороны широкая лестница вела на второй этаж. Воины поднялись по ней и прошли по короткому коридору до дальней двери.

– Господин легионер, – постучался адъютант, – разрешите войти?

– Да, – раздался голос из-за двери.

Воины вошли в комнату: на полу лежал изрядно потрепанный ковер, вдоль левой стены до самого потолка возвышался шкаф, открытые полки которого заполняли книги. На противоположной стороне комнаты стоял небольшой круглый стол, окруженный тремя стульями. На

одном из стульев спиной к двери сидел воин, неустанно глядя в ничем не прикрытое окно. Его желтый плащ, перекинутый через спинку, свисал до пола, слегка колыхаясь на сквозняке. В руке легионер держал деревянный стакан, а на столе стояла открытая бутылка вина.

– Господин легионер, – заговорил Марел, – вызвали?

– Да, – не оборачиваясь, ответил воин. – Мартин, на сегодня свободен, – адъютант молча вышел из комнаты, затворив за собой дверь. – Отрядный, присядь.

Марел прошел через комнату, обошел стол и сел напротив легионера, перекинув свой красный плащ через спинку стула. Легионер взял бутылку и наполнил вином второй стакан, который подтолкнул в сторону отрядного.

– Вчера у меня были хрустальные бокалы, – произнес он, рассматривая деревянный стакан. Марел взял наполненный стакан и залпом выпил все содержимое. Легионер пристально смотрел на отрядного и, выдержав приличную паузу, продолжил, – Франк рассказал мне о тебе: начальник каравана, направляешься в Блэр, на все про все у тебя тридцать дней, на кону твое повышение и, по всей видимости, ты не успеваешь.

– Простите, – перебил его Марел, – кто такой Франк?

– Местный лордишка, – небрежно кинул легионер. – Мелочный, тщеславный, но, надо признать, не злобный... – вновь повисла тишина.

– Господин легионер, – прервал паузу отрядный, – для чего вы меня вызвали?

– Час назад из столицы прилетел ворон, – легионер поставил стакан на стол и, пристально глядя в глаза Марела, стал потирать свой подбородок.

– Ворон? – переспросил отрядный. – Не голубь?

– Да, ворон... Завтра ты соберешь свой отряд, наберешь добровольцев, возьмешь рабочую силу, провизию и выдвинешься на север, в лес.

– Но у меня приказ от ординатора...

– В задницу твоего ординатора, – резко перебил легионер. – Послание принес ворон! Или ты совсем тупой? Это приказ самого императора! На письме даже стояла его печать! – от этих слов Марел слегка побледнел. Легионер снова наполнил стакан отрядного, который тот незамедлительно опустошил. – Твоя задача найти то, что упало и привезти это в столицу. Как сделаешь, сразу получишь синий плащ, – глаза отрядного загорелись, а губы дернулись в некотором подобии улыбки.

– Но почему я? – внезапно проявил отрядный подозрение.

– Ты мелкий командир и не из моего гарнизона. Если опозоришься, не мне отвечать.

– Когда выдвигаться?

– Крайний срок – завтра в полдень.

– Тогда разрешите идти?

– Иди.

Марел встал, за несколько шагов преодолел комнату и скрылся за дверью, оставив легионера в сумеречном полумраке наедине с вином.

Чей-то крик на улице разбудил Трэва. Утреннее солнце проникало сквозь щели в шторе, зашнурованной на окне. Кровати в маленькой каморке не было, лишь старый матрас и покрывало. За день рабочие успели укрепить несколько общих домов, и юношу разместили в одном из них. Снова раздался чей-то крик.

Трэв поднялся с матраса. Все тело ломило от жесткого пола. Потянувшись и сделав несколько растягивающих мышцы упражнений, юноша подошел к окну и выглянул за штору.

На пустынной улице стояло несколько солдат. Один из них, сложив руки в виде рупора, начал кричать: «Всем, кто направлялся из Квилара в Блэр, собраться возле северных ворот!»

Трэв, воспряв духом, что скоро покинет разрушенный город, схватил лежащую рядом с матрасом сумку, обулся и поспешил на улицу. Только когда он подходил к назначенному месту, его одолели сомнения: «почему северные ворота, если Блэр находится на востоке?» Но любопытство и немного наивности заставили его продолжить свой путь.

Как и в день отправления из столицы на небольшой площади перед воротами собралась толпа людей, лошади и повозки. Марел стоял посреди площади, что-то рассказывая собравшимся. Позади отрядного выстроились солдаты.

Обойдя толпу, Трэв увидел свою знакомую последовательницу Оплота Сарро в белой робе. В этот раз она решила не надевать капюшон.

– Крис-кай!

– Трэв, приветствую! – повернулась к нему девушка.

– Привет. Можешь в двух словах сказать, что тут происходит?

– Ну, отрядный собирается найти ту упавшую штуку и набирает добровольцев.

– Добровольцев? Хорошо, тогда я пошел, – Трэв уже собирался уходить, когда слова Марела заставили его остановиться.

– И раз это добровольная миссия, – громко вещал Отрядный, – всем, кто поможет ее закончить будет вознаграждение. По сто золотых каждому. Итак, кто согласен пойти со мной, выйдите вперед.

– Я об этом пожалею, – тихо произнес Трэв и вышел вперед. Вместе с ним вышла и Крис. – Эй, а ты что делаешь?

– Я тоже иду, – шепотом ответила девушка. – Это же интересно, что там такое упало с неба.

– А как же раненые в храме?

– Все нормально. Смотритель сказал, что сюда из столицы Оплот направил десяток лекарей. А в этой миссии может понадобится лекарь.

– Это тоже смотритель сказал?

– Да...

Трэв, наморщив лоб, покачал головой, а после того, как его отметили, направился к конюшне, которая почти не пострадала после ночного происшествия. Стоя в очереди на покупку скакуна, юноша достал дневник с пером и начал делать запись:

«Девяносто девятый день весны пятьсот девяносто шестого года. Собираюсь на север. В тот самый восточный лес, куда даже изгои боятся заходить...»

– Ваша милость, где вы? – пожилой жрец в белой робе шел по коридорам дворца настолько быстро, насколько позволяли его годы. Рубиновый кулон, по форме такой же как и другие у жрецов, на золотой цепочке слегка ударялся о табличку с именем «Кристоф», издавая звон в такт шагам старика. Жрец был облачен в длинную белую робу, из-под которой выглядывали бежевые туфли из мягчайшей телячьей кожи. Слуги уступали ему дорогу, почтительно кланяясь. Старик подошел к одной из горничных: – Где его милость император?

– Во дворе, господин приближенный, – робко ответила девушка, опустив глаза в пол. Жрец незамедлительно отправился в сторону внутреннего двора, мимо многочисленных дверей в длинном коридоре, освещенном десятком канделябров, в каждом из которых было не менее двух десятков свечей. Длинный коридор вывел жреца в большой сад со множеством фруктовых деревьев и аккуратно подстриженных кустов с различными цветами. Роскошный сад раскинулся в стенах дворца, прямо в сердце Квилара. Вокруг сад обрамляли десятки мраморных арок. Четыре мощные тропинки с каждой из сторон сада встречались в центре, а на их пересечении возвышался трехъярусный фонтан.

Солнечный день был полон пения птиц под аккомпанемент ударов деревянных мечей. Приближенный шел по мягкой траве, направляясь к пожилому мужчине в военной форме. Грудь и плечи военного были укрыты под воронеными доспехами с золотыми коваными гербами империи, под доспехами вместо кольчуги был черный кожаный дублет, шитый золотого цвета нитками. В сабоны, которые как и нагрудник, были из вороненой стали, были заправлены черные кожаные штаны. Иссиня-черный плащ, прикрепленный золотыми заклепками к наплечникам, свисал по спине воина почти до самой земли. Меч с золотым эфесом висел на его поясе в черно-золотых ножнах, в руке же он держал тренировочный деревянный меч, отражая атаки мальчика. В его бледно-серых глазах под широким морщинистым лбом читалось умиротворение от текущей дуэли. Очередной выпад, и меч мальчика попал в наручник воина.

– Великолепно, ваша милость! – подходя, воскликнул приближенный. Его черно-карие глаза выдавали в нем южные корни. Голова жреца была гладко выбрита, а подбородок скрывался под густой серой, с черными прядями, бородой с усами и бакенбардами. – Вам всего двенадцать, а вы уже можете пробить защиту командующего, – с неприкрытым ехидством добавил он. – Ваш отец гордился бы вами.

– Кристоф-ноо, чем обязаны вашему визиту? – одарив ледяным взглядом пришельца, спросил воин. В отличие от жреца, его белая борода была коротко подстрижена, и аккуратно обрамляла лицо, соединяясь с коротко стриженными волосами на голове. – Или вам стало скучно в стенах своего кабинета, и вы решили одарить императора своей лестью?

– Командующий Фернанд, – надменно ответил старик в робе. – Я бы хотел, чтобы вы удалились. У меня важные известия для его милости.

– Останься, – вмешался в разговор юный император, обращаясь к воину. Коричневые кожаные сапоги, простые серые штаны и мятая белая рубашка нараспашку не соответствовали образу императора. Но двенадцатилетний черноволосый юноша с ярко-голубыми глазами предпочитал вычурности практичность. – Кристоф-ноо, говори, среди нас троих не должно быть секретов.

– Ваша милость, – нехотя начал приближенный, доставая из рукава робы небольшой листок бумаги, свернутый в трубочку, – прибыл еще один голубь. На этот раз из Форкникса. Все также: огненный шар упал с неба, в этот раз разрушений не было, но люди сильно перепугались, – слегка улыбнувшись, закончил старик.

– Тебя это забавляет? – с нескрываемым гневом ответил ему Фернанд.

– Это правда? – вопрошающе взглянув на приближенного, спросил мальчик.

– Что вы, ваша милость! – виновато ответил старик. – Моя радость по иному поводу...

– Опять ваши пророчества, – перебил его командующий.

– Не надо, – остановил воина император. – Это его обязанность, нести слово Сарро. Продолжай, – кивнул мальчик приближенному.

– Все как написано в пророчествах: Огненные слезы, что прольют небеса, принесут страдания, кровь и слезы, но также они принесут и великие перемены к лучшему. Кровь и слезы пролились, теперь нас ждут перемены. Как замечательно, что это случилось на вашем веку. Теперь в историю вы войдете как Освальд сын Ивара из рода Блэр, Свершивший Пророчества.

– Пока перемен никаких нет, – возразил мальчик. – Ты хочешь, чтобы и этот огненный шар доставили в главный храм?

– Да, ваша милость, – кивнул старик. – Как всегда зрите в корень...

– Хорошо, – перебил его император. – Отправь письмо от моего имени. А теперь иди, у тебя много дел, а я хочу еще поупражняться с мечом.

– Не нужно придавать пророчествам столько значения, ваша милость, – сказал командующий, когда приближенный откланялся и ушел. – Сарро исчез почти пять сотен лет назад, а первое пророчество исполняется только сейчас. Это не иначе как совпадение.

– Фернанд, – ответил император, беря в руки меч, – мой отец говорил мне, что нужно выслушать всех, а принять решение самому. А правильное это решение или нет – покажет время. Ладно, продолжим, – закончил мальчик, совершая выпад. Воин плавным движением заблокировал атаку мальчика.

Вид юного императора вызывал в командующем глубочайшую печаль: в десять лет мальчик потерял отца, и с этого возраста на него взвалили бремя ответственности за всю империю, за каждого его жителя. В десять лет он был вынужден попрощаться со своим детством и стать мужчиной.

Подгоняемый отцом, чье здоровье не дало дожить и до сорока, с раннего детства мальчик готовился стать правителем. Он никогда не общался и не играл с ровесниками. Единственными его собеседниками всегда были учителя, книги и иногда прислуга. Юный император был мудр не по годам, но ему не хватало опыта. Этот недостаток он компенсировал, прислушиваясь к членам императорского совета – командующему Фернанду и приближенному Кристофу.

Командующий опасался, что кто-то из высшего сословия может воспользоваться доверчивостью императора в корыстных целях, поэтому почти никогда не покидал его. Несмотря на свою печаль, Фернанд восхищался императором и был предан ему насколько это вообще было возможно.

– А теперь защита, – произнес командующий, совершая атаку сверху.

Акт III. В горы

Северный город Форкникс был одним из трех городов севера империи Ларэмара. Горы, которые были естественной границей империи, были видно почти с любой улицы города. Мощеные улицы почти всегда были покрыты тонким слоем снега. Лишь на несколько десятков дней в году зима отступала, обнажая зеленую траву на лугах. Ранним утром солнце освещало только верхушки домов. И чтобы развеять мрак ночи, по краям улицы были установлены фонари, которые зажигались фонарщиками в предзакатный час.

Город еще спал. Хотя из труб сталелитейных заводов, которых было несколько в южной части города, почти не переставая шел дым. День и ночь на заводах горел огонь в плавильных печах.

Тишину спящего города нарушал стук каблуков спешащего жреца. Мужчина быстро шел по каменной улице, и звук его шагов эхом отражался от каменных стен трехэтажных домов. Вместо робы, что носили жрецы более теплых регионов, он был облачен в длинное пальто с глубоким капюшоном из белой овечьей шерсти. Лишь одно оставалось неизменным: поверх пальто на его шее висели табличка с именем и серебряный кулон, говорящий о статусе настоятеля.

Пройдя несколько кварталов, жрец зашел в здание канцелярии Оплота, где была резиденция главного жреца города. Сняв капюшон и поднявшись по деревянной лестнице на третий этаж, мужчина оказался перед массивной дверью, сделанной из красного дерева. Постучав несколько раз и не дождавшись ответа, жрец распахнул дверь и вошел.

– Господин смотритель, – молодой настоятель, размахивая свернутым листом бумаги, который он только достал из поясной сумки, засеменил к столу у дальней стены комнаты. Каждый его шаг сопровождался постукиванием таблички с именем на его шее о серебряный кулон.

– Что? Я же велел меня не беспокоить! – разгневанно закричал смотритель, ударив по столу, за которым сидел. На спинке кресла, сделанного из того же дерева, что и дверь в его кабинет, висело белое пальто. Сам же смотритель был одет в серую накрахмаленную рубашку, поверх которой свисал золотой кулон в виде треугольной бипирамиды. Хотя он состоял в Оплоте, телосложением смотритель больше походил на грозного воина с огромными кулаками. От удара пыль со стола поднялась небольшими клубами и смотритель закашлялся.

– Господин смотритель, приказ Императора!

– Что? Дай сюда, – выхватив послание, смотритель стал его внимательно читать. Небольшой луч света проникал сквозь небольшую щель в зашторенном окне, отчего смотрителю пришлось щуриться своими светло-серыми глазами, чтобы рассмотреть письма. После прочтения он откинулся на спинку стула и нахмурил брови.

– Какие будут распоряжения? – торопил его настоятель, переминаясь с ноги на ногу.

– Отправься к лорду. Скажи, что я требую немедленной аудиенции. И найди легионера. Он тоже должен прибыть к лорду.

– Будет исполнено, Тор-ихи, – ответил молодой жрец и быстро скрылся за дверью.

Кабинет лорда Форкникса был темным и просторным. Два окна выходили на северную сторону – на главную площадь города, в центре которой возвышалась статуя основателя. Солнце никогда не заглядывало в кабинет, поэтому лорд посчитал, что шторы тут не нужны, потому что портят весь вид. Справа от окон стоял массивный стол из цельного дуба, на котором лежали кипы бумаг, чернильница, связка перьев и печать. В центре комнаты почетное место занимал большой круглый стол с восемью стульями, за которым вечерами лорд любил сыг-

рать в карты с самыми влиятельными людьми города. Напротив окон был камин, украшенный вырезанными в камне узорами. Слуги все время поддерживали в нем огонь, чтобы в кабинете было тепло. По обе стороны камина возвышались огромные открытые шкафы, полки которых были уставлены бутылками с самым разнообразным алкоголем – от вин Нэна, до бурбона Крусея. Было несколько даже из Тамании – империи, что простиралась за Срединным морем. На нижней полке стояли бокалы, выплавленные из самых разных драгоценных металлов: серебра, золота, платины...

Над креслом лорда на стене висел полторный меч с рубином в навершие эфеса – меч самого основателя Форкникса. Того самого, чья статуя стояла на площади. Напротив стола была резная дверь в кабинет, ручка которой была отлита из серебра. А слева от двери на стене висела голова зубра, под которой разместили мягкий диван пурпурного цвета, сделанный в Кахаллине.

Полы же кабинета были укрыты яркими узорными коврами из Нэна.

Пожилой лорд сидел в своем кресле, одетый в черную жилетку поверх изумрудно-зеленой рубашки, черных туфлях и черных атласных брюках. Его серебристо-серые волосы волнами спадали до плеч, заостренные усы и аккуратно подстриженная заостренная борода придавали ему некий шарм. Закинув ногу на ногу и домиком сложив перед собой руки, он внимательно слушал своих гостей, не отрывая от них темно-зеленых глаз под густыми черными бровями.

Напротив лорда стоял рослый воин, в металлическом нагруднике и наплечниках, надевших поверх меховой куртки. К наплечникам заклепками был приделан желтый плащ. Рядом с воином такой же рослый стоял смотритель в своем сером толстом пальто и пересказывал лорду содержание письма, которое утром ему доставил настоятель.

– Что же, полагаю, у нас нет выбора, – выслушав смотрителя, заключил пожилой лорд. – Господин легионер, когда вы сможете отправиться?

– Через несколько часов.

– Хорошо, тогда готовьтесь и возглавляйте миссию...

– Господин лорд, – перебил смотритель. – Я против, чтобы Асмодей руководил миссией.

– Ах да, – махнул рукой лорд, – все время забываю, что вы не любите друг друга. Хорошо, вас поведет мой внук. Вы не будете против?

– Не против, – подтвердил смотритель. Легионер просто кивнул.

– Хорошо, я сам с ним поговорю, а вы ступайте, готовьтесь. Поход в горы – нелегкое дело. А в Хинар – тем более...

Бодрой походкой юноша шагал по каменным заснеженным улицам города. Его грудь украшал серебряный нагрудник с выгравированной эмблемой его семьи – восьмиконечной звездой. Ветер играл с его золотистыми слегка выющимися волосами. Зеленые глаза смело смотрели вперед, а на скуле под правым глазом кокетливо выглядывала родинка из-под золотого локона.

Весна почти закончилась, но в Форкниксе снег лежал почти до середины лета. В такт его шагов на поясе позвякивала бутафорская рапира, указывающая на статус юноши, и хрустел снег под ногами, обутыми в меховые сапоги с металлическими вставками по бокам. Дорога вывела молодого человека к площади перед северными воротами, на которой ровными рядами выстроились два отряда солдат. Чуть поодаль столпились жрецы Оплота и десяток рабочих. Завидев юношу, к нему подошел воин с желтым плащом.

– Господин Валверин...

– Асмодей, – перебил юноша, грустно улыбнувшись, – прошу тебя, не надо этих формальностей.

– Простите, госп... Извини, привычка.

– Ну, что тут у нас? – спросил юноша, направляясь к строю. Легионер последовал за ним, снимая свой полукруглый шлем с меховыми вставками. Со стороны воинов слышались команды «Смирно!». Хоть солнце и было в зените, воздух был достаточно прохладным, настолько, что был виден пар, выдыхаемый людьми.

– Отряд мечников и отряд лучников, всего двадцать шесть воинов. Гильдия ремесленников выделила нам трех поваров...

– А почему не армейские повара? – перебил Валверин Асмодея. Асмодей слегка поморщился и покачал головой из стороны в сторону. Мгновение спустя они оба засмеялись. – Что ж, доверюсь твоему опыту, что дальше?

– От оплотников пять лекарей, вороний мастер и десять спиногрызов.

– Ученых?

– Да, ученых... У гор нас встретят горноходцы, там возьмем провизию и снаряжение для похода.

– Господин Валверин, – вмешался в разговор неведомо откуда возникший смотритель. Его голову укрывал глубокий капюшон, а поверх бурой меховой куртки висел золотой кулон и табличка с именем. – Мы готовы. Можем выдвигаться.

– Хорошо, Тор-ихи, – поприветствовал его юноша, осматривая собравшихся. – Что можешь сказать о нашем пути?

– На наше везение в этот день звездочеты стали наблюдать за небом еще до заката, поэтому они видели падающий огненный шар. Судя по их расчетам, шар упал в трех-четырех днях пути по прямой отсюда.

– По горам это может затянуться на несколько десятков дней... – нахмурился Асмодей.

– Бойтесь, господин легионер? – усмехнулся смотритель.

– Так, прекращайте, – перебил их Валверин. – Нам еще чуть ли не до середины лета бок о бок жить. Кстати, у меня есть еще вопрос. Почему на эту миссию отправляют легионера и смотрителя? Вполне хватило бы строевого и настоятеля.

– Во-первых, – начал Тор, – эта миссия – приказ Императора.

– А во-вторых, – продолжил Асмодей, – мне спокойней за юного господина, когда я лично его охраняю.

– Зря спросил. Все равно ничего путного вы бы не ответили... Ладно, выдвигаемся! – громко крикнул юный господин. Один из солдат привел Валверину лошадь. Второй подал шерстяную накидку с капюшоном. Накинув накидку и ловко оседлав лошадь, юноша двинулся в сторону ворот. Справа и слева от него верхом на своих скакунах шли Тор и Асмодей. Колонна солдат двинулась вслед за ними. Последними шли жрецы Оплота и ремесленники.

Солнце клонилось к закату, когда колонна достигла поселения горняков. Расположив всех по домам, легионер приказал всем отдыхать, а сам отправился во временный штаб, где собрались Валверин, Тор и мастер-горняк. Небольшая деревня, лежавшая у подножия горы, была укрыта снежным покровом, который таял только в самые жаркие годы. Асмодей шагал по белой дороге к небольшому домику. Каждый его шаг сопровождался хрустом свежеевыпавшего снега. Легкий ветер кружил в медленном танце одинокие снежинки, слегка колыхая желтый плащ воина. Одноэтажный дом в центре поселения был завален снегом по самую крышу, и только дверь и пара окон были очищены ровными прямоугольниками. Большая дверь, издав тихий скрип, податливо отворилась.

Маленький деревянный дом не был разделен на комнаты. В противоположном от двери углу стояла массивная каменная печь, обогревая комнату. Два факела в настенных канделябрах напротив друг друга давали тусклый свет, позволявший видеть очертания комнаты и скудной мебели внутри. Возле стены стояла лавка и пара стульев. В центре комнаты стоял грубо

сколоченный прямоугольный стол, вокруг которого собралось трое, отбрасывая тени на стены от света свечи на столе.

– Судя по всему, то, что вы ищите – на ледяном плато, – показывая пальцем на карту, сказал мастер-горняк. Асмодей прикрыл за собой дверь и направился к собравшимся у стола. На столе лежала карта с изображением гор. – Оно довольно большое, так что обыскать его будет трудно.

– Это при условии, что оно упало там, где мы думаем, – ответил Валверин.

– Согласен, – продолжил Тор, – есть вероятность, что оно ближе. Тогда это по другую сторону пика великанов. Как его преодолеть?

– Никак, – пожал плечами горняк. – Это еще никому не удавалось. Но его можно обойти, – горняк снова склонился над картой, тыкая в нее пальцем, – тут.

– О, – сказал Валверин, заметив легионера, – Асмодей, сколько провизии мы можем взять?

– Лошадей не будет, так что не более чем на тридцать дней.

– Сколько нам добираться до плато? – спросил Тор горняка.

– Если погода позволит, то дней двенадцать.

– А до южного склона пика великанов? – поинтересовался Асмодей.

– Около десяти...

– И от плато до пика делать крюк в пять дней, – задумчиво произнес Валверин. – При хорошем раскладе мы можем успеть и туда, и туда... Хорошо, – заключил он, – идем к плато, если там ничего нет и погода будет нормальной, обойдем пик великанов. Но тогда это будет разведывательная миссия. На этом этапе нам главное найти упавший шар и оценить ситуацию, – юноша обменялся взглядами со всеми собравшимися, ожидая их одобрения. – Как его доставить в город будем думать потом. Император не ограничивал нас по времени.

– Согласен, – кивнул смотритель.

– Возражений не имею, – ответил легионер.

– Я выделю вам десять горноходцев, – сказал мастер-горняк. – Они хорошо знают эти горы и профессионалы своего дела.

– Прекрасно, – заключил внук лорда, – тогда отправляемся с восходом солнца.

Затушив свечи, собравшиеся разошлись отдыхать перед тяжелым путешествием.

– Поднимай! – крикнул один из горноходцев. Большая деревянная платформа, обшитая по углам стальными листами, на которой собралось два десятка участников экспедиции, медленно поднималась вверх на толстой веревке.

Для предстоящего похода в горы все основательно утеплились: теплые меховые куртки с овчинной выделкой внутри с капюшонами поверх шерстяных масок с прорезью для глаз. Такого же кроя штаны и варежки. На ногах – валенки с овечьей шерстью внутри. За спиной каждого был рюкзак, который помимо плечевых лямок крепился двумя дополнительными ремнями – на поясе и на груди. В рюкзаках было все самое необходимое для выживания: еда на пару дней, лекарства, снимающие боль, бинты и жгуты, пара факелов и фляжка масла к ним, веревка, кирка и снегоступы. У солдат в довесок к этому была основная часть провизии, дрова, растопка, котелки, миски с приборами, несколько коротких широких лопат и спальные мешки. Жрецы же в своих несли различные инструменты и целительские средства.

Пока платформа поднималась, Асмодей смотрел на восходящее солнце, показавшееся на середине подъема. Он единственный, кто выделялся из экспедиционной группы своим желтым плащом, нижняя часть которого торчала из-под куртки. Так как легионер почти все время собирался находиться рядом с молодым лордом, он считал, что желтый плащ будет прекрасным опознавательным знаком Валверина.

Веревки подъемника скрипели от тяжести. Черная скала медленно ползла мимо платформы. Кое-где сквозь камни пробивались неприхотливые растения, слегка припорошенные снегом. Через несколько минут платформа остановилась, и ворота открылись.

– Выходим! – скомандовал легионер. Валверин с остальной частью экспедиции уже ждал наверху. Как только новоприбывшие покинули подъемную платформу, Асмодей не замедлил сообщить: – Это последние. Всего пятьдесят девять человек.

– Хорошо, – кивнул внук лорда. – Господин Ален, – обратился Валверин к старшему горноходцу, назначенному сопровождать экспедицию, – выдвигаемся.

Форкникс был центром горнодобывающей промышленности для империи. Почти все металлы, обрабатываемые кузнецами по всей стране, добывались в здешних горах. Чтобы обеспечить быструю доставку сырья их шахт, в горах было проложено множество маршрутов, которые представляли из себя выдолбленные в горной породе дороги. Прокладкой таких дорог занималось отделение горноходцев, которые теперь сопровождали экспедицию Валверина.

Первые три дня пути выдались солнечными, поэтому экспедиция проходила по плану, изредка останавливаясь, чтобы расчистить дорогу от завалов и снега. Для ночлега использовались горные стоянки – искусственно сделанные углубления в скалах, которые дополнительно укреплялись балками, с несколькими выходами и воздуховодами, которые закрывались металлическими дверьми.

Часть пути экспедиции была проложена через туннели шахт, поэтому было принято решение не брать лошадей.

На исходе третьего дня экспедиции еще до заката команда Валверина остановилась на ночлег на одной из стоянок. У входа в дозоре стоял один из горноходцев, задачей которого было наблюдение за погодой, чтобы в случае метели не замело входы на стоянку. Во всей стоянке горело с десятков костров.

Стоянка представляла собой круглое углубление, сделанное прямо в скале, примерно полтора десятка метров в диаметре. Восемь деревянных балок, образующих круг в двух метрах от стен стоянки, подпирали потолок. Девятая стояла в центре. От долгого использования стоянки, полы в ней были гладкие, а вот стены и потолок еще хранили следы от кирок. Недалеко от этой стоянки была медная жила, поэтому темно-серые каменные пещеры в некоторых местах были покрыты рыжими узорами.

Солдаты, уставшие весь день нести тяжелый груз, уже спали в толстых спальнях мешках. Жрецы Оплота что-то оживленно обсуждали со зрителем Тором. Валверин, легионер и старший горноходец сидели у отдельного костра и, сняв маски и куртки, под которыми были серые шерстяные свитера, ужинали вяленным мясом, запивая горячим чаем.

– Пока погода позволяет, – откусывая кусок мяса, говорил внук лорда, – надо постараться покрывать большие расстояния.

– Солдаты, конечно, крепкие, но в таком темпе мы сильно замедлимся на обратном пути, – возразил Асмодей. Его мятый плащ, мокрый от растаявшего снега, свисал с наплечников, которые он снимал только на ночь.

– Через три дня дойдем до старой шахты, – добавил горноходец, допивая свой чай. – Дальше погода не будет тормозить нас.

– Три дня. Солдаты справятся? – спросил Валверин.

– Справятся за два, но нужно будет полдня отдохнуть в шахте, – с легкой ноткой гордости ответил Асмодей, приложив кулак к груди. – Эти ребята лучшие в легионе.

– С вашего позволения проверю пока, что снаружи, – сообщил старший горноходец, поднимаясь с пола. Валверин кивнул, и горноходец направился к выходу.

Дрова в костре слегка потрескивали и разбрасывали искры. Со всех сторон доносились негромкие голоса людей. Пахло сыростью и камнем. Валверин накинул на плечи как одеяло свой спальный мешок и сел ближе к огню.

– Так почему ты все-таки сам пошел в экспедицию? – внезапно спросил Валверин.

– Сказать по правде, было еще одно письмо из столицы, – нехотя ответил Асмодей.

– И что в нем было?

– Находку нужно доставить в столицу, без лишнего шума и внимания. Если справлюсь, обещали дать белый плащ.

– Тебе не нравится твой желтый или ты хочешь жить в столице? – засмеялся Валверин.

– Да ну тебя... Ты-то будущий лорд. А мне до центуриона еще лет двадцать пахать...

– Не злись, я пошутил. На самом деле я рад за тебя. Думаю, Тору тоже что-то пообещали, раз он лично пошел. Брата с собой заберешь?

– Не, он сейчас адъютант у одного из центурионов. Говорят, что отлично справляется. Такими темпами желтый плащ получит уже лет через пять...

С другой стороны стоянки послышалась суматоха и ругань. Вокруг ссоры начала собираться толпа. Асмодей и Валверин решили узнать, что там происходит и тоже подошли.

– Тор-ихи, – кричал один из горноходцев, держа за шиворот одного из рабочих. Смотритель растолкал столпившихся и подошел.

– Что у вас? – грозно спросил Тор.

– Тор-ихи, это немыслимо. Мы занимаемся добывающим ремеслом, а среди нас баба!

– С чего ты взял?

– Вот, смотрите, – горноходец схватил рабочего за воротник двумя руками и сильным и резким движением разорвал рубашку рабочего, выставляя на всеобщее обозрение женскую грудь.

– Не трогай меня, – закричала девушка, придерживая рукой порванную рубашку.

– Немыслимо! – гневно закричал Тор. – Как они посмели отправить с нами женщину! Горы – это для мужчин. Ты опозоришь всех нас!

– Подожди, смотритель, – вмешался Валверин. – У всего должна быть причина, – юноша взял с пола покрывало и укрыл им плечи девушки. Тор стиснул кулаки, но не посмел перечесть и сделал шаг назад. – Как тебя зовут?

– Сатиль, милорд, – дрожащим голосом ответила девушка, вцепившись в покрывало как коршун в добычу.

– Сатиль, почему ты здесь?

– Милорд, прошу вас, никто не узнает, я просто... – Валверин прервал ее, приложив палец к ее губам. На ее глазах навернулись слезы отчаяния.

– Я не обвиняю и не ругаю тебя. Просто скажи, почему ты пошла в горы? Тебя кто-то заставил?

– Нет, милорд, не заставлял... Мой брат повар, но он заболел, а за эту работу много платят, – она схватила Валверина за рукав и рыдая продолжила: – Пожалуйста, не наказывайте его, это моя идея, он не знает, что я здесь...

– Милорд, – вмешался вернувшийся старший горноходец. – У меня плохие новости, – Валверин жестом показал горноходцу подождать, не отрывая свой взгляд от девушки.

– Сатиль, мы выполним миссию и вернемся, ты получишь свои деньги, но и наказание тоже, потому что ты все-таки нарушила закон, понимаешь? – девушка, всхлипывая, утвердительно кивнула. Ее проняла дрожь. – Пока мы здесь, тебя никто не тронет. Все меня слышали, – вставая в полный рост, громко произнес юноша и обежал взглядом всех собравшихся. Не услышав ни одного возражения, Валверин обратился к старшему горноходцу: – Что за новости, Ален?

– Милорд, поднялся ветер. Я залез на скалу, чтобы осмотреться и увидел, что с севера идет туча. Утром начнется метель...

Утро встретило участников экспедиции сильной метелью. Снег летел почти горизонтально и был настолько плотный, что едва можно было различить фигуру человека в нескольких шагах от себя. К полудню путники шли по колено в снегу.

На одной из стоянок переобувшись в снегоступы, экспедиция с трудом двигалась дальше. Солнца не было видно, но когда оно стало клониться к закату, горы окутал непроглядный мрак. Очередная стоянка оказалась рядом, и экспедиция остановилась на ночь.

Валверин стряхнул снег с одежды, перекинулся парой слов с Асмодеем и пошел искать старшего горноходца. Асмодей громко командовал: куда сложить тюки, кто разводит костер, где развернуть спальники, какую порцию еды выдавать. Хотя все были уставшими после борьбы с метелью, но четко выполняли все распоряжения. Через тридцать минут лагерь был разбит, костры горели, и пахло жареным мясом.

Легионер в одиночестве сидел перед костром и ел свою порцию ужина, запивая горячим чаем. Но взволнованный вид подошедшего к нему Валверина заставил воина отложить в сторону еду и встать.

– Милорд, что-то случилось?

– Асмодей, – скрывая волнение, заговорил юноша, – кажется, тут не все. Переключку не делай, но проверь всех по списку.

Без лишних вопросов воин открыл поясную сумку, достал из нее листы со списком команды и отправился к ближайшему костру. Валверин тем временем пошел к костру, где в компании двух жрецов ужинал Тор. При виде юного лорда, Тор, как и Асмодей, отложил еду в сторону и поднялся. Его примеру последовали жрецы из его компании.

– Милорд, чем обязан?

– Поговорим наедине, – Тор слегка приподнял руку ладонью вниз. Жрецы, что были с ним, совершили небольшой поклон, забрали миски со своей едой и удалились. – Каково сейчас настроение людей?

– В целом все неплохо. За сегодня устали, но чтобы кто-то выражал недовольство – такого нет. Жрецы полностью подчиняются мне. Среди рабочих только те, кто нуждается в деньгах, и оплата этого похода сильно их мотивирует. На счет горноходцев и солдат – ничего не могу сказать.

– Горноходцы привыкли к горным трудностям, – вмешался в разговор подошедший старший горноходец, снимая маску. Его каштановые спутанные волосы, завязанные в хвост, гармонировали с каштанового цвета глазами. За время похода его лицо обросло короткой щетиной. – Для них привычное дело по целому сезону совершать вылазки.

– Ален, ты что-то хотел? – спросил Валверин.

– Да, милорд. Буря не собирается утихать. Такими темпами, мы будем добираться десятки дней.

– И что ты предлагаешь? – горноходец достал карту из поясной сумки и развернул ее перед молодым лордом.

– Сделать крюк вот тут и зайти в перевалочный пункт. Это займет дней десять, но сможем переждать бурю и пополнить запасы, – Валверин нахмурил брови. Ему не хотелось затягивать экспедицию, но он понимал, что предложенный вариант был лучшим в их ситуации. Его раздумья прервал Асмодей.

– Милорд, – серьезным тоном начал он, – вы оказались правы. Двоих жрецов нет. Они шли в конце колонны. Полагаю, они еще там, – Асмодей кивнул на выход со стоянки.

– Отправь отряд на поиски... – воскликнул Тор.

– Это бессмысленно, – перебил его горноходец. – В такую погоду мы просто потеряем еще людей, так как не знаем, где искать пропавших. Может они совсем рядом, а может их замело на половине пути от прошлой стоянки, – Валверин сжал кулаки, но согласился. Смотритель, извергая под нос проклятья, удалился.

Утром экспедиция двинулась к перевалочному пункту. По рекомендации Алена Валверин приказал всю колонну связать одной веревкой, чтобы больше никого не потерять в метеле.

– Да что ж за дерьмо-то?! – сокрушался старший горноходец, стоя перед огромным завалом, преградившим дорогу к перевалочному пункту. Огромные валуны лежали между двух скал, полностью перегородив дорогу. Бурный поток летящего снега скрывал вершины завала. В голове Ален прикидывал возможные варианты. Можно было бы перебраться через завал, но в такую метель и с неопытными спутниками это дело гиблое. Пройти другой дорогой: одна длиннее, другая опаснее. Колонну позади него заметало снегом, и надо было что-то решать. Горноходец повернулся и сквозь толстый слой снега пробрался к Валверину, подойдя как можно ближе, чтобы перекрыть вой метели. – Милорд, тут не пройти. Идем к стоянке, там обдумаем, что дальше делать...

Валверин кивнул, и Ален прошел мимо него в обратную сторону. Юный лорд жестом показал легионеру, что они возвращаются, и колонна, словно змея, стала разворачиваться.

Очередной экспедиционный день подошел к концу. Команда расположилась на одной из многих стоянок, похожих друг на друга почти как две капли воды. Двое горноходцев остались снаружи очищать вход стоянки от снега, в ожидании, когда двое других сменят их на посту. Метель не планировала заканчиваться, каждый день забирая все силы и путников.

Валверин, Асмодей, Тор и Ален сидели у костра поодаль от прочих. Настрой экспедиционной команды падал с каждым днем, а разговоры их командующих вообще могли повергнуть всех в уныние.

– Припасов хватит дней на пятнадцать, – докладывал легионер. – Если уменьшим порции, то сможем растянуть на двадцать.

– Когда доберемся до перевалочного пункта, сможем пополнить, – воодушевленно ответил Валверин.

– Если доберемся... – прервал его старший горноходец. – Обходить гору дней десять при хорошей погоде. Если там не сможем пройти, то все.

– Какие еще есть варианты? – спросил Асмодей.

– Зброшенная шахта... – с некой осторожностью, граничащей с трепетом, прошептал Ален.

– Она такая страшная? – удивился смотритель.

– Ее разрабатывали две сотни лет. За это время она превратилась в настоящий лабиринт. Я более-менее помню путь через нее, но она опасна, потому что за ней никто не следит. Опоры сгнили, потолок может обвалиться в любой момент. Мы ее используем только в крайних случаях...

– Полагаю, сейчас тот самый случай, – перебил его Валверин.

– Да... к сожалению... И карт нет...

Повисла гнетущая тишина. Каждый пытался придумать лучший вариант.

– Ален, – первым нарушил молчание молодой лорд, – какой вариант ты считаешь самым лучшим?

– Вернуться...

– Мы не можем! – едва сдерживая возмущение, чуть ли не крича, произнес Тор. – У нас приказ самого Императора...

– Хорошо, – прервал смотрителя Валверин. – Вернемся и переждем метель. Пополним запасы и попытаемся снова.

– Но, Милорд, но как же?... – возмущался смотритель.

– Если продолжим идти дальше, некому будет выполнить приказ Императора, – поддержал легионер.

– Я не тебя спрашивал! – в гневе ответил Тор.

– Тор, Асмодей прав, – пытался успокоить гнев смотрителя Валверин. – Если так продолжится, мы все тут умрем.

За неимением аргументов, Тор замолчал. Не желая оставаться в компании ненавистного воина, он забрал миску с похлебкой и ушел к другому костру. Какое-то время оставшиеся ужинали в молчании, а после разошлись спать.

Утром экспедиционная группа направилась в предгорное поселение горноходцев.

В полдень следующего дня колонна двигалась по горной дороге вдоль одной из множества скал, которую в метели путники едва могли разглядеть слева от себя. С другой стороны дороги зияла пропасть. Старший горноходец как всегда шел первым, тщательно проверяя длинным щупом дорогу перед собой, покрытую толстым слоем снега. Следом за горноходцем шел Валверин, за ним Асмодей. Позади Асмодея Валверин просил поставить Сатиль, чтобы в метели никто ненароком не захотел избавиться от нее. Путники уже привыкли к непрекращающемуся вою ветра и слепящему снегу.

Привычный мир нарушил нарастающий гул, заполняющий собой все пространство. Все горноходцы, которых расставили через четыре человека в колонне, как один показали жестом тем, кто стоял рядом с ними, бежать к скале. Не очень быстро, но уверенно, колонна подошла вплотную к скале. Сразу за их спинами огромная волна снега сошла вниз, разбиваясь о дорогу, как вода водопада о скалы.

Чтобы защититься от лавин, горноходцы вырубали дороги в горной породе так, чтобы скалы образовывали навес, защищающий путников.

Через несколько секунд снежный поток прекратился, и снова воцарился привычный мир, наполненный воем и слепящим снегом. Колонна пошла дальше. В течение следующих нескольких часов снег сходил еще три раза.

В четвертый раз вместе со снегом вниз полетели огромные глыбы камней. Горноходцы не стали дожидаться окончания лавины, и начали движение, однако они сильно ускорили темп, почти бежали. Старший горноходец, идя первым, увидел впереди пещеру и направился к ней.

Колонна уже наполовину скрылась в пещере, когда огромные падающие валуны стали разрушать дорогу. Горная порода треснула и начала стремительно сползать вниз, утягивая за собой оставшихся на ней путников. Глядя на это, Асмодей скомандовал всем солдатам в пещере схватиться за скалы. Спустя мгновение веревка, что связывала колонну, сильно натянулась. Несколько человек, которые стояли ближе всех к выходу, утянуло в пропасть. Горноходцы схватили кирки, что висели на их поясах, и со всей силы воткнули в камень, пытаясь зацепиться хоть за что-нибудь.

Лавина, а вместе с ней и камнепад, закончилась. Солдаты и горноходцы изо всех сил держались, не давая всей колонне соскользнуть в пропасть.

– Руби веревку! – заорал старший горноходец. – Руби! Иначе сдохнем!

Через несколько секунд сила, которая тянула колонну в бездну, ослабла. Солдаты приложили усилия и вытянули тех, кто сорвался. Их оказалось трое: горноходец, что висел ближе всех к краю бездны, обрезал веревку под собой, пожертвовав всеми, кто был после него. У

одного из спасенных, которым был жрец Оплота, оказалась сломана рука, согнутая почти пополам ниже локтя. К нему подскочил Тор и, затащив его глубже в пещеру, закричал:

– Ким-кай! Хвала Сарро, ты не упал! Что с воронами?

Жрец стряхнул с пальто снег и приподнял полог, под которым висела клетка, сделанная из деревянных прутьев, некоторые из которых были сломаны. Не чувствуя из-за адреналина боль от сломанной руки, Ким здоровой рукой отвязал клетку от пояса и поднял ее.

– Тор-ихи, выжил только один, остальных раздавило...

– Вижу... Печально. Давай сюда клетку, с такой рукой тебе еще воронов таскать.

От пережитого потрясения, после того как отдал клетку, жрец упал в обморок. В это время легионер, отвязавший от себя веревку и стоявший около выхода из пещеры, позвал старшего горноходца. Когда они подошли, Асмодей показал на выход: там, где пару минут назад была дорога, зияла пропасть. Камнепад разрушил всю тропу, оставив перед выходом лишь отвесную скалу.

– Полагаю, теперь у нас только один путь, – мрачно проговорил он, глядя в тьму пещеры.

– Что это за тоннель?

– Один из входов в заброшенную шахту... – еще более мрачно ответил Ален.

Валверин сидел на земле, облокотившись на стену тоннеля, и смотрел вниз. Его глаза были полны ужаса и отчаяния. Легионер, подойдя к своему лорду, тормошил его за плечо, пытаясь привести в чувство:

– Милорд! Милорд!... Валверин! – юноша поднял глаза, на которых навораивались слезы. – Нам надо идти дальше...

– Сколько?

– Простите?

– Сколько погибло? – Асмодей выпрямился и огляделся по сторонам, пересчитывая оставшихся в живых.

– Сорок один, милорд...

– Сорок один... – повторил юноша, хватаясь за голову. – Я не смог их уберечь...

– Это не ваша вина, и в ваших силах спасти оставшихся шестнадцать. Надо идти дальше.

Легионер помог юному лорду подняться и отвязать от себя веревку. После он подошел к Сатиль, которая сидела напротив Валверина, обхватив ноги руками и рыдая. Асмодей помог и ей взять себя в руки.

Под слабый свет факелов выжившие ступили на территорию вечной тьмы старого тоннеля.

Шестнадцать человек, оставшихся от экспедиции, шли по одному из коридоров старой шахты. Тусклый свет двух факелов был единственным источником света. Запасы факельного масла подходили к концу, поэтому Валверин распорядился зажигать огонь только в начале и конце колонны. В крошечной тьме и однообразных коридорах люди потеряли счет времени. Никто не знал, сколько прошло времени с момента их входа в пещеру: часы, дни или уже десятки дней. Большая часть припасов сгинула с основной частью группы в бездне во время последней лавины.

Из-за того, что непонятно было день сейчас или ночь, привалы делали, когда уже не было сил идти дальше. Вместо нескончаемых ветра и снега новым испытанием для путников стала гнетущая атмосфера бесконечных катакомб, в которых звуки шагов разлетались эхом. Каждый ощущал всей своей кожей огромную толщу каменной горы, окружающую их со всех сторон.

Поскольку еды тоже осталось немного, выдаваемые порции тоже были урезаны. Спальников осталось только три, поэтому ими пользовались по очереди по два человека за раз. Одно деликатное дело Валверин мог доверить только своему верному легионеру, и хоть Асмодей

был против, юный лорд велел ему делить спальник вместе с единственной девушкой в экспедиции – Сатиль.

После одной из стоянок трое уже не проснулось: жрец Оплота Ким, боль от сломанной руки которого делала его слабее с каждым днем, и двое рабочих-поваров, не привыкших к столь суровым условиям. Забрав с их тел все, что могло пригодиться в пути, группа двинулась дальше, оставив тела посреди коридора.

Ален предупреждал, что опоры, поддерживающие свод шахты, уже сгнили. Через три остановки случилось то, чего больше всего боялся горноходец – обвал. Под грудой камней оказались семеро, что шли в конце колонны. Потратив несколько часов на расчистку завала, оставшиеся в живых извлекли тела, чтобы забрать вещи. Теперь всем, включая Валверина, пришлось нести груз с провиантом. Пройдя после этого еще около часа, группа сделала привал.

– Дров осталось еще на один костер, – отрапортовал Асмодей, усаживаясь на пол перед только что разведенным огнем. – Масла еще где-то на шесть факелов. Еды хватит дней на пять... – легионер окинул взглядом оставшихся и тяжело вздохнул, – Хотя может и на семь... Спальников теперь хватает...

Валверин был мрачнее тучи: жизни людей, которые ему доверил его дед, таяли на глазах. Старший горноходец, последний из одиннадцати отправившихся с группой горноходцев, отцепил от наплечного мешка спальники и раздал их Сатиль и Тору. Третий мешок он протянул солдату, единственному из отряда, который взял с собой Асмодей:

– Как тебя зовут, воин? – спросил горноходец.

– Орвен, господин... – хмуро ответил солдат.

– Господин... – насмешливо повторил Ален. Его голос эхом разлетался по коридорам шахты. – Как будто титулы сейчас что-то значат. Просто Ален... Твое лицо мне кажется знакомым. Как твое родовое имя? – пытаюсь поддержать разговор, горноходец уселся рядом.

– Накиро...

– Накиро... Так, Накиро, Накиро... Точно! Твой отец же главный литейщик на одном из плавильников. Важный человек... Как же тебя в армию занесло?

– Так получилось. А вы почему стали горноходцем? – проявляя раздражение, ответил солдат. Во время разговора Тор раздав всем вяленое мясо, после чего покормил единственного ворона, а Сатиль кипятила воду для чая в котелке над костром.

– А у меня все в роду были горноходцами! – смело заявил Ален.

– И как же твой род называется? – спросил Валверин.

– Аэрон! – гордо ответил горноходец. Услышав это, Асмодей поперхнулся мясом, и Сатиль поспешила налить ему горячий напиток. Откашлявшись, легионер спросил:

– Это же род первых горноходцев, которые первыми отправились разведывать горы еще до основания Форкникса!

– У нас тут знаменитость, значит, – ехидно вставил Тор, усевшись по другую сторону костра напротив Асмодее.

– Можно и так сказать, – ответил Ален. – А вы из какого рода, господин смотритель?

– Мой род сгорел в огне, когда мне было три. Так что у меня есть только собственное имя, в отличие от некоторых кожевников...

– Тор, перестань, пожалуйста, – прервал его Валверин.

– Ничего, – ответил Асмодей, – я не стыжусь своей семьи.

– Так ты из кожевников? – протянуто произнес Ален, отпивая чай из кружки, которую ему налила Сатиль. – Из каких?

– Калий.

– Хм... Не знаю таких...

– Мой дед пришел сюда с юга.

– Ясно... Вот почему черные глаза. А ты, барышня, кто такая? – спросил горноходец Сатиль, которая наконец налила себе чай и уселась возле костра.

– Я? – не ожидая вопроса, смутилась девушка.

– Других девушек тут нет, так что да, ты, – усмехнулся Ален.

– Тьфу, – Тор цыкнул и раздраженно скривился. – Решил новых друзей себе завести?

– А чего нет? – спокойно ответил горноходец. – Может мы друг у друга последние собеседники. Почему бы не поболтать?

От этих слов все угрюмо склонили голову. Больше никто не хотел продолжать разговор. Закончив ужин, все разошлись по спальникам, но тревожные мысли еще долго не давали никому уснуть.

После стоянки колонна двигалась дальше по темным коридорам, освещая путь единственным факелом. На очередной развилке все остановились, с надеждой и воодушевлением глядя на факел: его огонь отклонялся в сторону. В проходе появился ветер, а это означало, что выход из пещер уже недалеко.

Колонна двинулась навстречу ветру. Через несколько часов ходьбы в конце туннеля забрезжил свет, к которому как по команде, все побежали. Когда путники покинули пещеру, их ослепило яркое солнце. Спустя несколько секунд их глаза привыкли, и они увидели огромную заснеженную равнину, окруженную горами, над которой висел густой туман.

– Хм, – нахмурил брови горноходец.

– Что такое? – спросил легионер.

– Впервые вижу здесь туман...

– Значит то, что мы ищем, там, – заключил Валверин.

Надев снегоступы, группа спустилась на плато и направилась в сторону тумана. Уже через несколько сот шагов нечто показалось странным: над плато не было ни облаков, ни ветра, а над окружающими плато горами висели огромные тучи, и даже невооруженным глазом было видно метель. Иногда можно было увидеть вспышки молний, но за ними не следовали раскаты грома, словно даже звуки что-то не пускало на плато.

Странности на этом не закончились. Когда группа вошла в туман, у всех появилось странное ощущение, что со всех сторон за ними наблюдают. Каждый шаг становился труднее предыдущего. Нечто словно высасывало все силы из путников. Через пару часов пути первой сдалась Сатиль, упав на колени и простонав, что не может больше двигаться. К ней подошел Асмодей и поднял ее под руку, позволив опереться на себя.

– Ты так и не сказала, из какого ты рода, – пытаюсь отвлечь девушку от гнетущей атмосферы, заговорил легионер.

– Из горняков, – тяжело дыша, ответила девушка. – Но женщинам нельзя работать в шахтах, поэтому я помогаю на рынке...

– А как называется твой род?

– Ольви...

– Значит ты Сатиль Ольви. Красивое имя, – слегка улыбнулся Асмодей и упал на одно колено.

Вслед за ним лицом в снег упал последний солдат отряда – Орвен. Ален сел на колени и сказал, что не может дальше идти. Валверин, понимая, что это конец, крикнул Тору, чтобы тот выпустил ворона. Если птица прилетит без письма, будет ясно, что группа погибла. Смотритель, вытащив клетку из-под одежды, уселся в снег и открыл замок. Спустя мгновение он проговорил понурым голосом:

– Милорд, птица мертва...

– Да как же так... – в отчаянии прошептал Валверин, и не в силах более стоять на ногах, упал на спину. Глядя помутневшим взглядом в небо, последнее, что он слышал – были встревоженные голоса Асмодея и Тора, звавшие его.

Старый лорд Форкниса сидел в кресле своего кабинета, окна которого выходили на главную площадь около северных ворот. Окна выходили на север, чтобы видеть возвращающихся с работы горняков. В полумраке лорд, оперевшись локтем на подлокотник и подпирая кулаком голову, смотрел на ворота, которые понемногу окутывал туман. По другую сторону стола стоял настоятель в своем длинном белом пальто из овечьей шерсти.

– Милорд, – неуверенно произнес жрец. Лорд встрепенулся, словно очнулся от долгого сна.

– О, настоятель. Я не заметил как вы вошли. Какое сегодня число?

– Двадцать девятый день лета, милорд...

– Ого, уже тридцать дней прошло. Есть какие-то новости? – Лорд поднялся со своего кресла, чтобы размять ноги и немного пройтись.

– Нет, милорд. В том-то и дело, что новостей нет совершенно никаких уже два дня...

– Что в этом такого? – удивился лорд, не обращая внимания на настоятеля и разминая спину.

– Настоятель предгорного поселения ежедневно посылал воронов с докладами о состоянии поселения, вылазках и добытых металлах...

– Может он заболел? – небрежно бросил лорд, делая наклоны.

– Нет, он человек крайне ответственный, к тому же если что-то с ним случилось, просвещенные дали бы знать...

– Что это? – не дав договорить жрецу и прервав свою разминку, лорд подошел к окну. – Настоятель, вы слышите?

– Это... – жрец подошел к лорду и тоже взглянул в окно. – Это же тревожный колокол... С чего вдруг...

Не успел он договорить, как внезапно раздавшийся грохот, похожий на громкий хлопок, заставил их обоих пригнуться. Обломки ворот и сторожевой вышки и куски каменной стены разлетелись по всей площади. От места, где только что стояли ворота, шел густой черный дым.

– Настоятель, – схватив жреца за шиворот, орал ему в ухо напуганный лорд, – отправляй ворона в столицу! Сообщи что на нас напали со стороны гор! – и, почти силой вытолкнув настоятеля из своего кабинета, прошептал, – Сарро, защити нас... Что же творится?...

Акт IV. Лагерь

Группа из более чем ста человек медленно продвигалась сквозь лес. Почти всех мужчин снарядили лопатами, мотыгами и топорами и отправили вперед выкорчевывать кустарники и мелкие деревья, чтобы лошади с повозками могли проехать. Большой удачей стала прекрасная погода. На безоблачном небе летнее солнце прогревало воздух, а густые кроны высоких деревьев создавали прохладные тени. Лишь надоедливые насекомые постоянно напоминали о своем существовании.

Солнце уже клонилось к закату. Отрядный Марел, назначенный командиром экспедиционной группы, громко скомандовал об окончании движения колонны и велел расчистить площадку для разбития лагеря. За тридцать минут маленькая роща была вырублена и утрамбована.

Рабочие свалили лопаты, топоры и мотыги в кучу и принялись разгружать повозки с деталями палаток. Еще тридцать минут, и лагерь из десяти палаток, каждая из которых вмещала дюжину человек, был возведен вокруг нескольких костров, на которых уже варилась похлебка в больших котлах.

Закончив работы, рабочие выстроились в очередь к повозке с огромной бочкой, наполненной водой. Рядом с повозкой стояла жрица в серой робе с железным кулоном и каждому выдавала мокрое полотенце, которым рабочие могли смыть грязь и пот после трудового дня.

Трэв, которому тоже пришлось выкорчевывать кусты все эти дни, закончил с умыванием и направился к нескольким другим повозкам, которые были загружены личными вещами всех участников экспедиции. Около повозок стояла Крис с листом бумаги, прикрепленным к тонкой деревянной дощечке. Когда кто-то подходил к повозке, то называл свои собственное и родовое имена. Девушка находила этого человека в списке и говорила одному из солдат, которые были в повозках с вещами, где нужна сумка.

– Крис-кай, добрый вечер, – поприветствовал юноша, когда очередь дошла до него.

– Трэв, привет, – улыбнулась девушка, ища юношу в списке. Ее золотистые волосы спутались за время похода, – Так... Райт. Верно?

– Он самый.

– Вторая, справа, шестой, – повернувшись к солдатам, громко сообщила девушка. – Как поработал?

– Как обычно, лопатой и мотыгой, – устало ответил юноша, пока солдат подавал ему сумку.

Забрав вещи, Трэв пожелал Крис хорошего дня и направился к палаточным баракам искать свободную койку на ночь. После нескольких минут поиска он расположился на свободном спальнике, достал из рюкзака миску с засохшими остатками еды на краях и вышел на улицу к костру, где повара разливали похлебку.

Работать приходилось много, а ели только утром и вечером, поэтому похлебка была наваристой: бульон из свинины с крупными кусками мяса, картошки и моркови. Каждые три дня из Олсбея приезжали повозки с провизией и водой, поэтому еды было в достатке.

Свою порцию ужина Трэв съел в бараке, сидя на спальнике. Запив водой из фляги, юноша убрал миску обратно в рюкзак, достал блокнот с перьями и чернилами, снял сапоги и, расположившись поудобнее на меховой подстилке, служившей матрасом и одеялом, начал писать:

«Тринадцатый день лета пятьсот девяносто шестого года. Уже четырнадцать дней идем на север. Лопата мне будет сниться в кошмарах...»

На соседнем спальнике сидели двое рабочих. Их рубашки и штаны были серого цвета от пыли и грязи, куски земли налипли на сапоги. Волосы были спутанные и грязные, сложно было понять какого они цвета. Руки, лицо и шея были в грязных разводах.

Они сидели и обсуждали поход, сетовали на отсутствие доступных девок и обсуждали, как потратят жалование, которое получают за эту работу. Голоса их были громкие, что сильно отвлекало Трэва от мыслей. В конце концов он сдался и, убрав письменные принадлежности, решил скоротать время за разговором.

– Как думаете, что мы ищем? – бесцеремонно вмешался он в разговор. Мужчины замолчали, оценивающе посмотрев на юношу. Выглядели они одинаково, и Трэв пытался найти что-то, что помогло ему их отличать: носы похожей формы, грязные бороды, небрежно обрезанные ножом, слипшиеся волосы... В итоге он не смог ничего придумать и для себя отметил, что у одного густые брови, а у второго голубые глаза.

– А не все ли равно? – наконец ответил бровастый. – Главное, что заплатят.

– Нет, серьезно. За что так много платят? – не унимался Трэв.

– Я слышал, что это из столицы кто-то нас нанял, – неуверенно ответил голубоглазый.

– Да какая разница! – грубо прервал его бровастый и, понизив голос, продолжил: – Ходят слухи, что это армейские испытывали новое оружие. Огромная катапульта или что-то вроде этого. Запулили прямо из Нэна...

– Нэн намного западнее, а это с юга летело, – перебил голубоглазый. – Со стороны Эль-Анабе...

– Глупости! – возразил бровастый. – Это же объявление войны. И как, по-твоему, они сюда доберутся? Корабли-то у них только торговые. Наши их потопят, едва они выйдут в море...

– А зачем им сюда плыть? Закидают нас этими ядрами, пока тут никого не останется, и дело с концом, – заключил голубоглазый. Бровастый замолчал, задумавшись о чем-то грустном. Трэв спокойно сидел, наслаждаясь представлением, которое он случайно спровоцировал. Но разговор зашел в тупик, и собеседники замолчали.

Тихие голоса общающихся людей в бараке заполняли тишину. В лучах закатного солнца стены палаточного барака окрасились в рыжий цвет. Где-то рядом щебетали птицы. С улицы доносилось еще больше голосов, звон металла, редкое ржание лошадей. Все вокруг готовилось ко сну.

– А мне кажется, что этот шар упал с неба, – решив позабавиться перед сном, сказал Трэв и улегся на половину спального, накрыв себя другой половиной.

– Ага, странники запустили, – усмехнулся бровастый.

– Кто его знает, может там тоже люди живут... – зевая ответил юноша и отвернулся, слушая, как двое собеседников называют его дебилом.

Ночь, как и все предыдущие, выдалась безоблачной. Небо было усеяно звездами, яркими и не очень. Одиноким белый звездный странник Лу, чуть меньше бледно-красного Кая и на треть больше голубоватого Фао, одиноко висел посередине неба, почти над головами обитателей лагеря.

Сотни различных звуков природы сплетались с треском большого костра в центре лагеря. Палаточные бараки отбрасывали длинные тени на лес от света огня. Вокруг лагеря в дозоре стоял десяток солдат. Трое караульных неспешно ходили от дозора к дозору, чтобы проверить, все ли в порядке. Изгой в этом лесу не селились, дикие животные ни разу не беспокоили, поэтому солдаты вели себя расслабленно.

В очередной раз один из караульных пришел на проверку к дозорному, который был его старым приятелем, принеся с собой лучину от костра. Положив копьё на плечо, дозорный достал из кармана два листа сигаретной бумаги и кожаный мешочек с табаком, высыпал немного табака на бумагу и, скрутив две сигареты, передал одну караульному.

За тихим разговором двух солдат клубы дыма поднимались вверх, растворяясь в ночном воздухе. Лагерь спал глубоким сном после трудного дня.

Внезапно неподалеку в кустах послышался шорох. Солдаты прекратили разговор, побросав на землю сигареты. Дозорный взял копье, направив его острием в сторону леса. Караульный обнажил меч. Спустя несколько секунд из леса на солдат с оглушительным ревом бросился огромных размеров медведь.

– К оружию, – во все горло заорал караульный. Пятеро солдат, сидевших у костра на ночном дежурстве, выскочили, спешно надевая шлемы и доставая мечи из ножен, и побежали на крик.

Трэв, как и несколько других рабочих, вскочил со спальника. Несколько секунд юноша соображал, что происходит и что надо делать. Неужели снова изгой? Впопыхах натянув сапоги, он бросился к выходу из палатки, по дороге спотыкаясь о спящих людей.

Кое-как выбравшись, Трэв увидел черного медведя, стоящего на задних лапах перед горсткой солдат. Медведь был настолько большой, что возвышался над людьми почти в два раза. В свете огня его глаза и зубы обретали красный оттенок.

Трое копейщиков не подпускали зверя на расстояние атаки, пока четверо мечников обходили его с боков. Позади медведя лежало два тела в доспехах. Около одного лежало копье со сломанным древком. Второй сжимал в остывающей руке меч с окровавленным лезвием.

Медведь яростно рычал, пытаясь передними лапами сломать направленные в него копья, но солдаты ловко отбивали эти атаки. Раздался свист, и две стрелы вонзились в грудь зверя. Он заревел еще сильнее, и в этот момент двое мечников со всей силы ударили медведя по задним лапам.

Копейщики отскочили назад, и огромная туша с грохотом упала перед ними. Не давая зверю опомниться, они начали наносить удары, стараясь попасть в голову или шею. Каждый нанес по меньшей мере десять ударов, прежде чем медведь замолчал и перестал двигаться.

– Целитель! – откуда-то сзади раздался крик. Трэв обернулся и увидел Марела, одетого только в штаны и сапоги. Его грудь покрывало с десятков старых шрамов. В свете огня его волосы казались черными как смола.

Мимо него в сторону недавней битвы пробежала девушка в робе. По не расправленным складкам и замятым рукавам робы можно было понять, что она очень торопилась, надевая ее. Добежав до тел, девушка стала осматривать того, что с мечом: потрогала пульс на шее, приложила ухо к груди. Слева подмышкой солдата была разорвана кольчуга, по которой струилась кровь, наполняя лужу под телом.

– Этот уже мертв, – грустным голосом сообщила жрица. В это время другая жрица подбежала к другому. Трэв узнал в ней Крис.

Около тела медведя собиралась толпа. Солдаты, участвовавшие в бою, оттирали кровь со своего оружия. Отрядный прошел мимо, направляясь к жрице.

– Что со вторым? – нетерпеливо спросил он.

– Он еще жив, – чуть ли не плача ответила Крис. – Но его не спасти.

Марел подошел ближе и увидел рваную рану на шее копейщика. Солдат был в сознании и смотрел на своего командира. Он плакал, в его глазах было желание жить, но он уже захлебывался кровью, которая вытекала из его рта.

– Копье! – скомандовал отрядный, протянув руку назад, не отрывая взгляд от умирающего солдата. Один из копейщиков, полировавший наконечник своего оружия, подбежал к командиру и вложил в его руку древко копья. Марел сильно его сжал, занос над головой. – Отойди, – приказал он девушке, которая покорно отодвинулась от раненого. Мгновение, и острие копья вонзилось в грудь солдата, разорвав кольчугу и пронзив его сердце. Раненый солдат умер мгновенно.

Отрядный, вынув копье из тела, пошел к своей палатке, по дороге отдавая оружие копейщику.

– Господин отрядный, – обратился к нему один из мечников, – что делать с медведем?
– Разделать, – не взглянув на вопрошающего, ответил Марел. – Не пропадать же мясу.

Утром никого не стали будить, поэтому вымотанные многодневной работой люди просыпались ближе к обеду. Повсюду были разговоры о ночном происшествии: свидетели битвы рассказывали о ней тем, кто спал глубоким сном. Естественно, рассказы были приукрашены, но наполовину разделанная туша огромного медведя и два накрытых простынями тела возле повозок, заставляли верить в любую небылицу.

Всю вторую половину дня все повара и десяток рабочих готовили медвежье мясо: варили похлебку, жарили и солили для хранения. Несколько рабочих в сопровождении солдат отправили в лес за хворостом, которого нужно было много для вечера.

Трэв маялся бездельем. Поговорить с Крис ему не удалось, потому что она и другие последователи выполняли поручения настоятеля, который тоже решил отправиться в экспедицию как старший из жрецов. Что-то написать в блокноте тоже не получалось: из-за ночного происшествия мысли путались, все-таки не каждый день приходится смотреть на трупы. Ближе к вечеру юноша все же взялся за перо и сделал запись в блокноте:

«Четырнадцатый день лета пятьсот девяносто шестого года. Ночью на нас напал медведь. Таких здоровых никогда не видел. Весь черный. Наверное, из-за таких чудовищ в этом лесу не живут изгои. Думаю, дней десять теперь будем есть медвежатину. Эта зверюга убила двоих солдат. Скорее всего вечером будет вознесение. Поэтому сегодня не работали. Буду отдыхать.»

Солнце уже скрылось за горизонтом. Рабочие из леса принесли огромное количество хвороста, который сложили в две кучи. Готовку медвежьего мяса тоже закончили. Марел, который провел в своей палатке весь день, принес бочонок вина и велел каждому перед вознесением налить по полкружки.

На каждую кучу хвороста положили по мертвому телу. Простыни с них сняли. Мертвые солдаты так и остались в своих доспехах. Только жрицы отмыли кровь. Каждому в руку вложили его оружие.

Всем налили вино. Абсолютно все участники экспедиции обступили тела кругом. Вперед вышел настоятель в своей серой робе, держа в руке факел и, дождавшись, когда все замолчат, начал говорить:

– Однажды Сарро сказал, что завидует людям. Наша жизнь конечна, и это делает ее прекрасной. Люди наслаждаются каждым моментом, ибо он может стать последним. Наши жизни достаточно длинны, чтобы свершить множество дел, и достаточно коротки, чтобы жизнь не надоела. Каждый из нас рождается, отделяясь от природы, и каждый из нас умирает, чтобы снова слиться с ней. Таков круг жизни.

Настоятель зажег один костер, а затем другой, бросив в него факел. Огонь быстро разгорелся, полностью обжигая умиротворенно лежащие тела. Свет от разгорающегося огня придавал желто-рыжий цвет его коротким волосам и гладковыбритому лицу. Отблески от серебряного кулона вторили пляске языков пламени.

Марел поднял кружку вверх и затем залпом выпил все содержимое. Остальные вторили ему. После еще несколько минут все стояли в полной тишине, а затем стали расходиться.

Отрядный раздавал солдатам распоряжения удвоить дозорных и караульных. А после громко, чтобы все в лагере его слышали, произнес:

– Всем ложиться спать. На рассвете продолжаем идти.

Следующие пять дней расчистка дороги шла в обычном темпе. Никаких происшествий больше не случилось. Однако дозорные теперь стояли и днем, неустанно наблюдая за однообразным лесом вокруг рабочих.

Экспедиция знала направление, куда надо было двигаться, но не знала, как далеко. Несколько групп разведчиков каждый день уходили вперед и возвращались только к вечеру. К концу пятого дня одна из групп доложила, что обнаружила подходящее место. На пути к месту деревья были сломаны, будто огромный великан смел их огромной дубиной, и чем ближе к месту, тем ниже надлом. Вокруг самого места множество деревьев было повалено. Некоторые вырваны прямо с корнями. Однако найти, что упало с неба, разведчикам не удалось, потому что в центре этих разрушений образовалось небольшое озеро.

Посоветовавшись, отрядный и настоятель решили, что это именно то, что им приказали искать. Цель была определена, маршрут скорректирован, и экспедиция продолжила движение, достигнув места через три дня к полудню.

Пока ставился лагерь, несколько рабочих в сопровождении десятка солдат отправились исследовать место падения. Им оказалось идеально круглое озеро в два десятка метров шириной. Из-за поваленных деревьев к нему было трудно пройти. Двое рабочих, оставив на себе только штаны, нырнули в воду, чтобы оценить его глубину.

Озеро оказалось неглубоким, всего два человеческих роста. Но на дне зияла дыра, за которой абсолютная тьма. Похоже, что под озером был грот. Горящий шар пробил эту дыру и, скорее всего, лежал внизу.

Стало ясно, чтобы достать шар, уйдет далеко не один день. После доклада отрядный распорядился возвести вокруг лагеря частокол. Материала для него вокруг было более чем достаточно. Вокруг частокола вырыли ров в половину человеческого роста в глубину и такой же ширины. Воду для него носили из озера. За три дня лагерь превратился в небольшой поселок. Десяток плотников, которым помогали три десятка рабочих, смогли даже возвести два больших барака и на краю лагеря построили отхожее место.

Оставался вопрос, куда девать воду из озера. Разведчики доложили, что в двух километрах к востоку течет река. Рабочие предложили прорыть к ней канал и спустить воду в нее. Еще один день был потрачен на рытье канала. Трэв тоже принимал в этом участие. Когда канал был практически подведен к озеру, оказалось, что уровень русла в нем значительно выше. Пришлось оставить как есть: канал до реки начинался в десяти метрах от озера. Воду придется вычерпывать ведрами и относить к нему.

В Олсбей был отправлен гонец с запросом прислать три бочки смолы. Груз должен был прибыть только через пять дней. За это время было решено возвести кузницу и начать изготовление полутора сотен ведер и семидесяти коромысел.

Очередной день подошел к концу. Медвежье мясо наконец закончилось, и Трэв с большим удовольствием ел большие куски свинины, тушеной с картошкой. Последние несколько дней он спал не на земле: плотники соорудили каркасы под кровати, а вместо матраса натянули ткань от палаток. Получилось подобие гамака, но юноша был согласен и на это, потому что уже было невыносимо спать на твердой земле.

Прикончив ужин, он взял блокнот и чернила. От связки перьев осталось только пять, что немного огорчало Трэва. Тем не менее, он открыл блокнот, обмакнул перо в чернила и начал писать:

«Двадцать пятый день лета пятьсот девяносто шестого года. Ненавижу лопаты. Руки уже в кровавых мозолях. Это не стоит ста золотых. Перья заканчиваются, придется экономить.»

Чтобы ничего не мешало работе, рабочие потратили один день, чтобы убрать все поваленные деревья с площадки. В это же время солдаты возводили частокол вокруг нее.

Трэв очень радовался, что не пришлось ничего копать. Марел контролировал ведение работ как по расчистке и организации защиты площадки, так и возведение кузницы. Четверо жрецов, что отправились в экспедицию, во главе с настоятелем вели учет съестных припасов, целебных мазей, орудий труда и всего остального, составляли списки необходимого для следующей поставки, а также вели отчет о ходе экспедиции. Для хранения всех вещей, настоятель попросил плотников построить небольшой склад со стеллажами и сделать стол со стулом, чтобы проще было вести бумажную работу. Плотники ответили, что приступят к работе, как закончат с начатыми делами, с чем настоятель согласился.

Так как в Олсбее был только один вороний мастер, его оставили в городе, а связь с экспедицией поддерживали при помощи гонцов, которые прибывали раз в пять дней.

Еда теперь выдавалась три раза в день. Как и до этого утром и вечером, а еще и в середине дня, позволяя в это время отдохнуть от тяжелых работ.

На следующий день, когда завалы были расчищены, два десятка рабочих по цепочке стали передавать друг другу ведра с водой, вычерпывая ее из озера и выливая в вырытый канал. Каждый час они менялись с другой группой. Чтобы было где отдыхать, рядом с озером для рабочих построили навес и поставили несколько грубо сделанных скамеек.

Вода в озере начала понемногу убывать. На закате рабочие вернулись в лагерь, поскольку постройка укреплений вокруг озера не была закончена. Зато в лагере уже можно было чувствовать себя в безопасности. Вокруг бараков появилось множество маленьких палаток, в которых жили по одному или двое. Пол сотни факелов освещали все пространство лагеря. Стали возникать некие подобиya улочек. Лагерь получился большим, примерно двадцать на тридцать метров.

После ужина двое из рабочих достали из своих вещей музыкальные инструменты – лютню и флейту. Расположившись в центре лагеря перед большим костром, они начали играть, постепенно собирая толпу желающих потанцевать. Поскольку работать теперь было не так утомительно, желающих оказалось много.

Настоятель решил, что необходимо дать людям морально отдохнуть, поэтому попросил отрядного не мешать им. Хотя это и не нравилось Марелу, потому что шум мог привлечь нежелательных гостей, он все же уступил. Через несколько часов, вдоволь навеселившись и сетуя на отсутствие выпивки, рабочие разошлись спать.

Немногим после полуночи к лагерю подошла стая волков. Два десятка зверей осторожно принохивались, издавая тихое рычание, но пара выпущенных стрел их отогнала. Главная беда случилась утром: начался сильный ливень, продлившийся до позднего вечера. В этот день только солдаты продолжали работу по укреплению площадки вокруг озера. Все остальные прятались по своим палаткам и баракам. Ливень был настолько сильный, что не позволял увидеть что-то дальше десяти метров.

Трэв изнывал от скуки, потому что перьев для письма осталось мало, а больше и нечем было заняться. К его счастью у некоторых рабочих оказались игральные карты и кости. В качестве ставок использовали свой будущий гонорар за эту миссию.

Так прошел день. Подсчитав все результаты, Трэв записал кто кому сколько должен. Он и сам оказался в плюсе на десять золотых.

Во второй половине дня под потоком воды пятеро плотников соорудили навес с тремя стенами для полевой кухни. Повезло, что среди рабочих оказались столь искусные плотники, а материала для строительства было в избытке. После ужина Марел распорядился, чтобы на следующий день плотники построили столовую со столами и лавками. Как он сказал: «задача трудная, но выполнимая». Сдерживая про себя проклятье, плотники молча разошлись по кроватям.

Утро после дождливого дня не принесло ничего хорошего: лагерь и площадка вокруг озера превратились в огромные грязевых лужи, несколько палаток и один барак были затоплены. Работать было невозможно, потому что люди по щиколотку утопали в грязи.

В очередной раз отрядный отправил несколько разведывательных групп в лес в поисках камня. К обеду группы вернулись с докладами. В итоге две группы рабочих в сопровождении солдат отправились в лес, вооружившись криками, кувалдами и тачками. На закате рабочие уже выкладывали камнем лагерь и площадку около озера. В этот же день вокруг озера закончили возводить частокол и начали рыть ров для воды.

Вечером рабочие ужинали в столовой. Хотя не все стены были доделаны, но никого это не волновало, кроме отрядного, который в сердцах называл плотников бездельниками. Ночь прошла спокойно. Сроков по доставке огненного шара не ставили, поэтому настоятель постоянно убеждал отрядного, что спешка ни к чему.

Утром работы по осушению озера возобновились. По всей площадке расставили держатели для факелов, чтобы можно было работать и в ночное время. Работа по постройке кузницы тоже была завершена, и пара кузнецов начали выковывать обхватывающие кольца для ведер. После обеда прибыл груз из Олсбея. Теперь плотники могли смолить заготовленные ведра. Работа кипела.

Трэв тоже остался доволен: прислали его заказ из пяти десятков перьев, который он уговорил Крис включить в общий список. Наконец он мог записывать все события, что происходили в лагере.

К следующему утру пять десятков ведер были готовы. От использования коромысел отказались, потому что передавать ведра по цепочке оказалось быстрее и проще. Вода стала убывать вдвое быстрее, и уже к вечеру рабочие достигли провала в грот.

– Сколько по времени убрать воду? – спросил отрядный. Он стоял на краю котлована, оставшегося от озера. Как и всегда, он был полностью экипирован в свою форму, за исключением шлема, который он не носил в лагере. Возле него, перемазанные грязью, стояло двое рабочих.

– Пока сложно сказать, – ответил один из рабочих, посмотрев в сторону дыры в грот. Там внизу стояло около десяти других рабочих, утопая по щиколотку в грязи. Один из них держал в руке продолговатый камень, второй привязывал к камню веревку. – Часа через два, как начнем, можно будет что-то сказать.

– Погружай, – послышалось снизу, и рабочий бросил камень в грот. Вербка стала разматываться, медленно погружаясь вслед за камнем. Марел, не сказав ни слова, развернулся и пошел в сторону солдат, которые заканчивали рытье рва вокруг частокола.

– Три роста, – крикнул другой рабочий, когда веревка прекратила погружение.

– Пошевели там. Вдруг на какую кочку попали, – ответил другой. Первый несколько раз потянул веревку, пытаясь сместить груз.

– Нет, дальше не идет.

Прежде чем начать осушать грот, сделали три деревянные дорожки, которые привязали веревками к вбитым на берегу толстым кольям. Получилось что-то наподобие навесных мостов, чтобы в случае провала дна озера рабочие не свалились в грот. Наконец, работы начались.

Плотники снова были заняты в лагере. Настоятель потребовал соорудить помывочную, потому что вонь в лагере стояла невыносимая. Решив отдохнуть от работ ведрами, Трэв активно помогал им. Однако, он просчитался, потому что ему дали лопату и велели вырыть котлован под будущую ванну.

Через два часа отрядный вернулся к гроту и снова спросил, сколько займет времени работа.

– Дней пять, господин отрядный, – ответил рабочий.

– Управтесь за два, – приказал воин.

– Никак, даже если работать и ночью. Тут воды куда больше чем в озере.

Ответ явно не понравился Марелу, но тут он ничего не мог поделать. Снова не сказав ни слова, отрядный пошел искать настоятеля, чтобы вместе подумать над возможностью убрать воду быстрее.

Настоятель был в лагере и наблюдал за постройкой помывочной, иногда пытаясь давать бесполезные советы. Трэв старался не обращать на него внимание. К полудню он углубился на пол роста и расширял углубление до положенные три на пять метров. Выкопанную землю другие рабочие на тачках отвозили к баракам и столовой, высыпая ее с внешней стороны стен. Это должно было предотвратить затопление помещений во время дождя.

Настоятеля немного огорчал тот факт, и его советы не слушают, и он глубоко задумался. Но подошедший отрядный вернул его к реальности.

– Карл-дао, работы затянутся на пять дней.

– Всего пять? – как будто не понимая раздражения отрядного, удивленно спросил настоятель, поправляя свою серую робу и кулон с табличкой.

– Мы тут и так более тридцати дней, – раздраженно ответил Марел, пнув ногой один из камней, лежавший на земле.

– Марел, в который раз вам говорю, нам не нужна спешка. Это может быть опасно. Или вам мало двух трупов? – отрядный стиснул зубы. Ему еще придется по возвращении писать рапорт о потере двух солдат, но награда в виде синего плаща подстегивала его поскорее закончить.

– Потери всегда будут. В конце концов, вы здесь для того, чтобы их возносить...

– О, нет, друг мой, – насмешливо покачал головой настоятель. – Я здесь как представитель Оплота на миссии государственной важности. Если бы сюда направился легионер, вместо меня пошел бы смотритель, чтобы соответствовать рангу, – Марел смотрел на Карла исподлобья, как ребенок, которого отчитывают. – Ах, да. Мой же ранг соответствует вашему строевому. Будь у вас синий плащ, мы были бы на равных, а так, получается, я старше вас, поэтому следуйте моим приказам...

– Я не подчиняюсь приказам Оплота, – прорычал отрядный. – Не забывайте, Карл-дао.

Марел развернулся и зашагал прочь, оставив настоятеля с самодовольной улыбкой. Трэву, который стал свидетелем этого разговора, даже стало немного жаль отрядного. Хотя это наверное потому, что настоятель нравился ему еще меньше.

Марел быстро шагал в сторону своей палатки, когда к нему подбежал солдат.

– Господин отрядный, разрешите обратиться?

– Что у тебя?

– Прибыл гонец со срочным донесением.

– Пусть настоятель с этим разбирается...

– Господин отрядный, гонец от военных. Просил встретиться с вами лично, – Марел с осторожностью посмотрел на солдата, перебирая в уме, что могло случиться, что армия послала гонца.

– Отведи в мою палатку, – после непродолжительного колебания ответил отрядный.

– Где гребанный настоятель? – заорал Марел, когда прибежал на стройку помывочной и не обнаружил его там. – Куда он делся?

– Сказал, что пошел к складу, – ответил Трэв, оперевшись на черенок лопаты и отдыхая. Рядом с котлованом рабочие складировали струганные доски. Растолкав рабочих, отрядный почти бегом направился к складу, где теперь хранились все припасы лагеря.

Там же на складе организовали подобие канцелярии, где жрецы вели учет и составляли отчеты. Настоятель прибыл к ним, чтобы проверить, как у них идут дела. Он как раз читал один из отчетов, когда отрядный вошел в помещение.

– Карл-дао!

– Марел, – небрежно ответил настоятель, не отрываясь от отчета. – Я же сказал, что ускорять работы не будем...

– Я не об этом, – встревоженный голос воина заставил жреца переключить внимание на него.

– Что-то случилось?

– Новости из столицы. Мы можем поговорить наедине?

– Это излишне, – настоятель положил отчет и повернулся к воину, облокотившись на стол. – Что там?

– Шар был не один, – эта новость застала врасплох настоятеля. Возможно, торопиться действительно стоило, потому что теперь это выглядит как соревнование, в котором может быть только один победитель. Но окончательный вывод Карл не стал делать, решив дослушать отрядного. – Он упал на другом конце империи, севернее Форкника... У вас есть чем промочить горло?

– Лилия-тун, налей воды отрядному, – тихо произнес настоятель, повернувшись к жрице позади себя, что сидела за столом и заполняла бумаги. Девушка в серой робе с медным кулоном на шее спокойно встала, взяла кувшин и стакан, налила воды и поднесла воину. – Так что там с Форкником? – спросил настоятель, когда отрядный допил и отдал стакан жрице.

– Его нет.

– В смысле? – опешил настоятель. – Расскажи по порядку, что произошло.

– Короче, они тоже отправили экспедицию в горы, от экспедиции не было никаких вестей, потом они потеряли связь с одной из северных деревень. После напали на Форкникс. Напали с разрушительной мощью. Каменные здания разлетались на куски словно игрушки...

– Покажи это донесение, – Марел сунул руку в поясную сумку и вытащил смятый листок, который протянул настоятелю. Карл читал настолько внимательно, что даже шевелил губами. Перечитав несколько раз, он задумался. – Тридцать дней. Через тридцать дней после ухода экспедиции напали на Форкникс. Учитывая что там горы, не думаю, что они зашли дальше нас. Вообще, кто мог на них напасть? Не шар же, который упал...

– Что если эти шары ищем не только мы? Возможно, отряд диверсантов проник на территорию империи, разрушил город и стал ждать возвращения экспедиции, чтобы самим не идти в горы. В лесу напасть проще, чем в Олсбее, так что нам надо готовиться к обороне, а еще лучше – отступить в Олсбей и вернуться с новыми силами...

– Ну или это было какое-то проклятье... – задумчиво произнес настоятель. – Лилия-тун, собери всех, мне нужен взгляд со стороны.

Девушка тихо встала и затерялась среди стеллажей с различными вещами. Спустя пару минут с ней пришел еще один жрец с медным кулоном и две жрицы с железными, одной из которых была Крис. Настоятель пригласил их присоединиться к диалогу с отрядным, и жрецы встали полукругом по обе стороны от настоятеля. Карл обвел всех собравшихся взглядом, побарабанил пальцами по столу, после чего медленно прошелся по комнате перед столом.

– Я очень ценю всех жрецов Оплота, – начал он. – Последователей и просвещенных в том числе. Вы много лет учились точным и гуманитарным наукам, философии, астрономии, основам военного дела и прочему. Большинство из вас достигли значимых успехов. Посему, мне нужны ваши мысли в одном деликатном деле, которое нельзя разглашать. Если кто-то

не готов, то может уйти сейчас, – настоятель еще раз обвел взглядом жрецов, дожидаясь их молчаливого согласия. Выждав приличную паузу, он продолжил: – Такой же шар упал севернее Форкникса, туда отправили экспедицию, а через тридцать дней город уничтожили. Вопрос: кто мог его уничтожить, и не грозит ли нам подобная опасность. Ваши идеи? Астольф-тун?

– Что еще известно о нападении? – задал встречный вопрос молодой жрец в серой робе с медным кулоном, потирая длинными тонкими пальцами коротко стриженную бородку на узком лице.

– Только то, что нападающие обладали огромной мощью, способной сносить дома и стены, и напали с севера, – ответил Марел.

– Форкникс находится далеко на севере. Хоть он и ценен своим горнодобывающим производством, но поставлять ресурсы в другую страну попусту невыгодно. На диверсию тоже не похоже, она бы началась внутри города... Говорите, напали с севера. Напали только на город или еще на какие-то поселки?

– В сообщении говорится, что за несколько дней до нападения пропала связь с предгорной деревней, – ответил настоятель, еще раз перечитав сообщение.

– Если честно, то не вижу в этом никакого смысла. Они напали на деревню и только через несколько дней пришли в город. Причем напали снаружи... Мне кажется, что это все-таки не вторжение другой страны...

– Хорошо, Астольф-тун. Спасибо. Лилия-тун, у тебя какие мысли? – рыжеволосая девушка с веснушками поклонилась и, не поднимая зеленых глаз с пола, робко и тихо произнесла:

– Может это изгой?

– Не может быть! – воскликнул Марел. – У них нет таких сил, чтобы вторгнуться в город!

– Во всяком случае не было, отрядный, – ответил настоятель. – Это самый логичный вывод. Ну и чтобы полностью развеять сомнения, Крис-кай, как ты думаешь, может ли быть, что это какое-то проклятие, которое уничтожило экспедицию, предгорную деревню и пришло в город?

– Я думаю, – робко начали Крис, – что тогда бы тут произошло тоже самое. Но мы все невредимы.

– И правда, в твоих словах есть логика... – задумчиво произнес Карл.

– И все-таки я предлагаю отойти в город и взять как минимум половину гарнизона, – не отступал отрядный.

– Уже вечерет, – глядя через дверной проем на улицу, проговорил настоятель. – Марел, давайте дойдем до моей палатки. Мне в последней партии груза прислали две бутылки отличного вина. Предлагаю за бокалом решить наши... хм... разногласия, и заодно обсудим, как поступить дальше, взвесив все за и против. Даже если возвращаться в город – ночью это делать не самый лучший выбор. Что скажете?

– Хорошо, – с некоторым сомнением согласился отрядный. – Я не против.

– Замечательно, – потирая руки ответил Карл, после чего повернулся к жрецам. – Спасибо вам за вашу мудрость. Заканчивайте работу и отправляйтесь отдыхать, – он уже направился к выходу, когда остановился и добавил: – Кстати, мне обещали, что через несколько часов будет готова купальня, хоть и без крыши. Рекомендую искупаться перед сном, это поможет снять усталость.

Крис с трудом добралась до своей палатки и, сбросив свою робу и сапоги, упала на кровать, уткнувшись лицом в подушку. Сквозь неплотно закрытый полог внутрь палатки проникал свет звездного странника. Освещение было слабое, но позволяло разглядеть скудную мебель: деревянные табурет и столик, на котором стояла миска с изрядно сгоревшей свечкой.

День был трудный, все тело девушки ломило от усталости, от которой даже горячая ванна не избавила, но она не могла уснуть из-за терзающих ее сомнений: слова настоятеля о проклятье не выходили из головы, и она думала, стоит ли дальше вести раскопки, попытаться понять, что это и, возможно, найти ответ, как помочь Форкниксу, или же уйти отсюда, забыв об этом месте, пока и этот лагерь не повторил судьбу Форкникса. А что если это и вправду изгой и беспокоиться не о чем...

– Не можешь решить, что правильно? – раздался мужской голос совсем рядом. От неожиданности Крис вскочила с кровати, едва подавив крик. Напротив нее на деревянном табурете, где буквально несколько секунд назад никого не было, сидела темная фигура, полностью укрытая накидкой. Лицо его скрывал капюшон, оставляя видимым только гладко выбритый подбородок.

– Кто ты такой? – встревоженно воскликнула девушка.

– Тише, – спокойно ответил незнакомец. – Не хотелось бы, чтобы сюда пришел кто-то еще. Я хотел поговорить с тобой наедине. – От испуга Крис сжала в руке одеяло.

– Я закричу!

– Тогда ты не узнаешь, что я хотел тебе сказать...

Незнакомец сидел неподвижно. Его голос был спокойным и размеренным, и страх, сковавший девушку, стал отступать, давая волю любопытству.

– Ты не ответил. Кто ты такой? – настойчиво повторила свой вопрос Крис.

– Если скажу, ты не поверишь, поэтому проще показать... – Незнакомец не шевелился, но его накидка медленно стала раскрываться, поднимаясь вверх. В тусклом свете показались черные рубашка, штаны и сапоги. Незнакомец сидел, опершись локтями на колени. Накидка продолжила подниматься, и из-под нее показались большие белые крылья, которые расправились настолько позволяли размеры палатки. Сердце девушки бешено заколотилось, но глаза отказывались верить в происходящее. Через несколько минут, совладав с волнением, она перешла на шепот:

– Они настоящие?

– Не веришь? – усмехнулся незнакомец. Он вытянул руку вперед, и в его ладони из ниоткуда возник серебряный кубок, наполненный водой. – Вот, возьми. Попей. Как выпьешь воду – кубок исчезнет.

– Сарро... – с благоговейным трепетом прошептала Крис. – Ты исчез пятьсот лет назад. И внезапно показался мне. Почему?...

– А разве это не естественно для бога? – немного озадаченно спросил Сарро. – Теперь ты слушаешь меня?

– Да! – воскликнула Крис, прыгнув с кровати и встав на колени. – Простите, что я так непочтительно говорила с вами!

– Не нужно. Ты устала за сегодня. Отдохни, – крылатый бог встал с табурета и, взяв Крис под руку, помог ей сесть на кровать, вложив кубок с водой ей в руки. – Впереди будут дни труднее.

Усадив девушку на кровать, Сарро вернулся на табурет, аккуратно спрятав крылья под накидкой. От волнения Крис сильно сжимала серебряный кубок, словно боялась его выронить, и смотрела в пол, не осмеливаясь поднять глаза на бога. Сарро медленно поднял голову, рассматривая потолок едва освещенной палатки, и, тяжело вздохнув, начал говорить:

– Впереди нелегкое время. У людей возник серьезный враг, которого им не по силам победить... Единственное оружие против него лежит здесь, под землей... Вы обязаны найти его.

– Но почему вы говорите об этом мне, а не настоятелю? – робко спросила девушка, все еще боясь поднять глаза. Крылатый бог взглянул на нее и через некоторое время ответил:

– В тебе гораздо больше веры, чем в нем... Я уверен, что ты доведешь это дело до конца, даже если останешься одна...

Повисла тишина. Слова бога наполнили девушку трепетной радостью. Столько вопросов внезапно возникло в ее голове: почему он исчез пятьсот лет назад, присматривал ли он за Оплотом и империей, откуда он знает про оружие, упавшее с неба... Через несколько минут, решившись заговорить, Крис подняла голову, но увидела, что в палатке осталась она одна. «Может мне это привиделось?» – подумала она. Но кубок в ее руках говорил, что все было реально.

Девушка вскочила с кровати и бросилась бежать к палатке настоятеля, неся в руках кубок и боясь расплескать из него воду.

– Настоятель! – с громким криком ворвалась она внутрь. – Настоятель!

– Крис-кай! Что случилось? – от неожиданности настоятель Карл резко встал со стула, пролив на свою серую робу вино, что было в его бокале. Вместе с настоятелем за столом спящей к выходу сидел отрядный Марел, который обернулся на голос девушки. Крис была босая, одетая в одну сорочку. – Почему ты в таком виде?

– Настоятель! – пытаюсь отдышаться, снова повторила девушка, протянув вперед кубок с водой – Возьмите...

– Что это? – удивился Карл. Поставив кружку с остатками вина на стол, он быстро подошел к последовательнице, взяв из ее рук серебряный кубок. – Дорога вещь. Откуда это у тебя?

– Настоятель, вылейте из него воду...

Не понимая, что происходит, настоятель перевернул кубок, и вода вылилась на землю. Кубок начал становиться прозрачным. От неожиданности Карл выронил его из рук. Кубок ударился о землю и рассыпался на сотни светящихся пылинок, которые спустя несколько мгновений исчезли. Отрядный резко встал, опрокинув стул, и схватился за рукоять меча.

– Что это такое? – с ужасом и гневом спросил настоятель.

– Сарро... – произнесла девушка, опираясь руками на колени, чтобы отдышаться. – Он приходил ко мне в палатку и дал этот кубок. И сказал, что надо продолжать раскопки... Там под землей... оружие...

В смятении Карл посмотрел на Марела, который тоже не понимал, что происходит. Обернувшись к Крис, настоятель схватил ее за плечи.

– Что ты такое говоришь?! – закричал он.

– Помните писания о Сарро? – взглянув в глаза Карлу, ответила девушка. – Там говорилось, что он создавал вещи прямо из воздуха, а когда они выполняли свое предназначение, то исчезали, рассыпаясь на огоньки...

Настоятель отпустил девушку и отошел на несколько шагов назад. Отвернувшись к стене, он сильно сжимал подбородок пальцами и о чем-то судорожно думал. Через несколько минут раздумий он сказал:

– Крис-кай, спасибо за добрые вести. Иди спать. Отрядный, полагаю, нам нужно продолжить поиски...

Акт V. Одна в темноте

Огромная библиотека замка была известна на всю Ларэмара. Огромная зала в три этажа с длинными, заставленными стеллажами с книгами, коридорами, заканчивающиеся балконами, выходящими в холл с высоким потолком, где за большим мраморным столом учились семьи императоров. Теперь ее единственным читателем был двенадцатилетний черноволосый юноша, обреченный править империей. Десятки тысяч книг, содержащие мириады знаний, собранных тут за все время существования империи, были в полном распоряжении юного императора.

Юноша сидел в тишине и полном одиночестве, читая очередное писание одного из своих предков. Страница за страницей, он впитывал в себя знания предшественников, чтобы стать достойным правителем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.